

Двухнедѣльный журналъ
ЖИЗНИ СѢВЕРНАГО КРАЯ
„Извѣстія Архангельскаго
ОБЩЕСТВА
изученія Русскаго Сѣвера“.

1911 г.

№ 2-й.

15 Января.

Новые законы и распоряженія Правительства, представляющіе интересъ для Сѣвера.

№№*) Ст.

Предметы узаконеній:

212. 2183. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ на канцелярскіе и хозяйственные расходы мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій.
213. 2196. Объ утвержденіи описанія и рисунковъ формы одежды учениковъ мореходныхъ и для подготовленія судовыхъ механиковъ торговаго флота учебныхъ заведеній.

Поморскія народныя сказки.

Сказка—это одна изъ формъ народнаго творчества, передъ которой преклоняются и преклонялись самые геніальные художники и поэты, дѣятельно собиравшіе её и въ обработанномъ видѣ вносившіе богатые дары въ сокровищницу нашей отечественной литературы. И не только въ нашей необъятной родинѣ геніальные художники и поэты занимались собираніемъ и обработкой народныхъ сказокъ, но и во всемъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какой цѣнный вкладъ внесли своими разнообразными, чисто поэтическими сказками братья Гриммъ, не только въ сокровищницу своей родной, нѣмецкой, но и всемірной литературы. Гдѣ, въ какихъ захолустныхъ уголкахъ эти сказки не прочитываются съ трепетомъ, не служатъ пищей для дѣтской фантазіи? Всюду. Даже далеко на Сѣверѣ, въ поморской избушкѣ, подъ аккомпаниментъ дикаго сѣвернаго вѣтра, бѣлокурая дѣвочка съ лихорадочно блестящими глазками и дрожащимъ голосомъ читаетъ эти страшныя, но пріятныя для сердца сказки далекой и чужой страны.

Въ народной сказкѣ сказывается все богатство фантазіи народа, его мечты, его взгляды на добро и зло и—главное—его простое, чуткое ко всему сердце, способное инстинктивно разгадать, гдѣ кроется добро и гдѣ зло. Народная сказка можетъ служить намъ матеріаломъ для изученія быта самого народа, ибо она есть продуктъ коллективнаго творчества его и, какъ таковой, безусловно отражаетъ на себѣ душевный складъ своего творителя, его чаянія и надежды, мечты о лучшей жизни,

*) 1910 года.

о побѣдѣ добра надъ зломъ и о соотвѣтствующей карѣ для послѣдняго. Такъ, напримѣръ, сказки о Садко, Господинѣ Великомъ-Новгородѣ, Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ даютъ намъ полное представленіе о духовной жизни нашихъ предковъ съдой старины. При ознакомленіи съ ними, передъ нами встаетъ богатая всевозможными оттѣнками и колоритностью жизнь, которая возбуждаетъ въ насъ самыя прекрасныя чувства и очищаетъ насъ отъ современной житейской прозы.

И не даромъ же такая вулканическая душа, какъ А. С. Пушкинъ, среди шума и сутолоки городской жизни мечталъ о далекой деревушкѣ, заброшенной среди сугробовъ снѣга, гдѣ онъ, въ жарко вытопленной и свѣтлой комнатѣ, подъ свистъ и вой бури, слушалъ безконечныя сказки своей старой и доброй няни.

Какимъ наслажденіемъ, какой лаской и тепломъ вѣетъ отъ словъ великаго генія, гдѣ онъ вспоминаетъ объ этой старушкѣ. И не благодаря ли этой старушкѣ русская литература обогатилась такими прекрасными перлами какъ, наприм., „Сказка о спящей царевнѣ и о семи богатыряхъ“, „Золотая рыбка“ и т. п.?

За послѣднее время наука проявляетъ усиленное вниманіе къ дѣлу собиранія и изученія народныхъ сказокъ. Проявляется также особый интересъ къ личностямъ, изъ устъ которыхъ записываются сказки, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ замѣчено, эти личности одарены богатой фантазіей и ораторскимъ талантомъ, если можно такъ выразиться. И дѣйствительно, насколько пишущему эти строки приходилось наблюдать, эти сказочники и сказочницы выдѣляются на общемъ сѣромъ фонѣ деревни.

Кругъ предлагаемыхъ мною сказокъ довольно ограниченъ, благодаря тому, что онѣ собирались исключительно лишь въ Кемскомъ у., Архангельской губ., среди поморскаго населенія. Но, съ другой стороны, думается, онъ весьма интересенъ, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, въ дѣлѣ изученія народнаго творчества Поморья, и особенно сказокъ, нашими высшими и низшими учеными учрежденіями сдѣлано очень мало. Лѣтомъ 1910 г. мнѣ пришлось натолкнуться на богатый и обширный трудъ „Сказки Крайняго Сѣвера“, изданія котораго, къ сожалѣнію, не припомню. Въ этой книгѣ собрана масса сказокъ изъ Олонецкой и разныхъ уѣздовъ Архангельской губ. Поморскихъ же сказокъ тамъ, кажется, около 5 и то самыхъ безцвѣтныхъ и относящихся къ самому послѣднему періоду, что видно изъ ихъ порнографическаго характера.

Послѣднее мое утвержденіе зиждется на томъ обстоятельстве, что въ старой патриархальной жизни Поморья, гдѣ все было чинно и соотвѣтствовало требованіямъ домостроевской морали, порнографія въ области народнаго творчества врядъ ли могла имѣть мѣсто.

Наступила суровая сѣверная зима съ ея жестокими морозами и сѣвернымъ вѣтромъ и длинными-длинными ночами. Покажется солнце на сѣромъ, плакучемъ небѣ и тотчасъ же спрячется обратно. А то бываетъ, что и солнца нѣтъ. И тогда трудно разгадать, что такое происходитъ вокругъ тебя: что-то не день и не ночь, а нѣчто, похожее на сумерки. Тянется сѣверная зима долго, безконечно долго, такъ что теряешь всякую надежду когда-либо опять увидѣть Божье лѣто.

И вотъ, въ длинные вечера этой сѣверной зимы, въ жарко вытопленной поморской избушкѣ дѣтвора собирается вокругъ старой бабушки, которая, кряхтя и вытирая слезы съ глазъ своимъ грязнымъ рука-

вомъ рубахи, долго рассказываетъ имъ свои безконечныя сказки. Лихорадочно блестятъ глазки слушателей, и временами изъ молодыхъ грудей вырываются тяжелые вздохи, переплетающіеся наивнымъ всхлинываніемъ какой-либо дѣвчонки.

Однообразно и монотонно, точно маятникъ старинныхъ часовъ, звучитъ глухой и старческій голосъ. И льются сказки одна за другой. Часъ проходитъ за часомъ. Смотришь, и спать пора уже лечь. А худой старческій голосъ манитъ къ себѣ, обдаетъ тепломъ и лаской. И въ этомъ тѣсномъ кружкѣ забываешь и про постылую зиму, съ ея снѣжными вьюгами и про кругомъ царящую нужду, тяжелую борьбу за кусокъ хлѣба. Встаютъ прекрасныя образы Ивановъ-Царевичей и Марій-Царевнъ, страшныя дѣянія Яицныхъ-Бабицнъ (Баба-Яга)—воплощенные символы зла—и Бабушекъ-Задворенекъ—символовъ добра, лѣшихъ и водяныхъ...

И на видъ примитивная жизнь помора кажется уже сложной, трудно поддающейся разрѣшенію загадкой.

Теперь мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ о сказочницахъ, изъ устъ которыхъ предлагаемыя ниже сказки были записаны.

Сказки эти въ большой своей части записаны мною въ с. Колежхѣ, с. Лапинѣ и Сумскомъ посалѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ. И только нѣкоторыя изъ нихъ записаны изъ устъ случайно проходившихъ „рибушниковъ“ (нищихъ—оборванцевъ) и гостей изъ другихъ селеній Поморья.

Сказки: „Шутъ Гаврила“, „Мать и дочь“, „Конь, Свинья, Кошка, Собака да Пѣтухъ“, „Шуба-самолетъ“, „Попъ и работникъ“, и „Царь и мужикъ“ записаны изъ устъ мѣщанки Сумскаго посада Устиньи Ермолаевны Базаровой, у которой я прожилъ въ квартирѣ цѣлый годъ. Это была веселая и бойкая шестидесяти-пятилѣтняя старушка—вдова, мужъ которой умеръ отъ запоя. Помню, когда ко мнѣ собиралась молодежь и начиналась веселая и шумная игра на балалайкахъ и гитарахъ—эта старушка словно оживала. Разъ даже я засталъ ее танцующей за печкой подъ музыку балалаекъ.

— Стара стала—стыдно передъ молодыми плясать-то,—сказала она сконфуженная.

Устинья Ермолаевна много трудилась. Но трудъ для нея былъ не тяжелъ. Она постоянно пѣла свои „пригудки“, рассказывала полныя юмора сказки, загадывала загадки, а пословицъ у нея было такое множество, что она, бывало, сыплетъ ими къ каждому слову. И это—несмотря на то, что вся жизнь ея была одно сплошное мученіе. Молодой и красивой дѣвушкой ее выдали замужъ за человѣка, который, по ея словамъ, долженъ былъ быть ея „отцемъ“. Мужа-пьяницу она не любила, но это, однако, не мѣшало ей имѣть отъ него около 8 дѣтей, изъ которыхъ 4 остались живы. На старости лѣтъ мужъ „занемогъ“ и около 5 лѣтъ лежалъ на печкѣ, „безъ ума, безъ разума“.

Старшій сынъ, оставшійся наслѣдникомъ послѣ отца, былъ также алкоголикъ и довольно часто награждалъ ее побоями.

Въ 1909 году, когда въ Поморьѣ свирѣпствовала страшная холерная эпидемія, ею заболѣла Устинья Ермолаевна съ младшимъ 14-ти лѣтнимъ сыномъ. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ мученій они оба скончались.

Сказки объ „Иванѣ Царевичѣ“ и „Иванушкѣ Дуракѣ“ рассказала мнѣ молодая дѣвушка Лапинской вол. Александра Семеновна Филатова. Александра Филатова, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, выше средняго роста, съ крѣпкимъ здоровымъ тѣлосложеніемъ и загорѣлымъ отъ работы лицомъ, по которому скользить пріятная улыбка. Изъ-подъ немного нахмуренныхъ бровей смотрятъ веселые темно-коричневые глаза, выражающіе рѣшительность и увѣренность въ себѣ, постоянность характера. Голосъ грубый, но пріятный.

На 16 году жизни Александра Филатова лишилась отца и съ тѣхъ поръ неоднократно служила въ разныхъ селеніяхъ Поморья „казацихой“ (работницей). Среди дѣвушекъ с. Лапина она занимаетъ видное мѣсто, благодаря своему сильному голосу, знанію безконечнаго числа старинныхъ и современныхъ пѣсень и борьбѣ съ бабскими сплетнями. Кромѣ того, она является народной поэтессой или, какъ здѣсь это называютъ, „социнительницей“. Несмотря на ея полную безграмотность, ею сложена масса современныхъ частушекъ, которыя распѣваются въ Лапинской вол. и близъ лежащихъ селеніяхъ. Ея частушки были даже удостоены вниманія печати (см. „Ярославскія Зарницы“ № 30, ст. Народное творчество, стр. 3 и 4).

Сказки „о Бѣдникѣ-Мальчикѣ“ и „Какъ солдатъ на царьской допери женился“ рассказаны мнѣ уже не разъ упомянутой мною на страницахъ сѣверныхъ газетъ крестьянкой Лапинской вол. Матреной Оедоровной Бахиревой.

Эта самая Матрена Бахирева, какъ я упоминалъ въ своемъ очеркѣ „Свадьба въ Поморѣ“ (см. № 20 „Извѣстій А. О. П. Р. С.“), сообщила мнѣ и причитанія. Матренѣ Бахиревой уже теперь лѣтъ за 50, и она, по ея собственному выраженію, „стоитъ уже одной ногой въ могилѣ“, но это, однако, не мѣшаетъ ей вести хозяйство, лѣтомъ самой пахать, бороновать, сѣять и жать. Дѣло въ томъ, что она еще числится дѣвицей, несмотря на то, что старшему сыну ея уже около 20 лѣтъ. Въ молодости она полюбила одного парня, съ которымъ прижила двухъ сыновей и стала бороться за существованіе, „выростать“ своихъ будущихъ кормильцевъ. Тяжело ей давалась борьба эта. Но человѣкъ съ сильной волей и твердо идущій къ намѣченной цѣли всегда преодолѣетъ препятствія, встрѣчающіяся на его пути. Чтобы представить себѣ, какъ трудна такая задача, достаточно указать хотя бы на то обстоятельство, что уже за послѣдніе годы цѣпа на женскій трудъ во время полевыхъ работъ равняется 40 к. въ сутки. Работаетъ, работаетъ бѣдная женщина въ зимнее время, выбивается изъ силъ надъ работой, — и въ результатѣ 10—15 к. за цѣлый рабочий день. Такъ вотъ изволь кормить себя и дѣтей на эти деньги.

Эти тяжелыя преграды на своемъ жизненномъ пути Матрена Оедорова прошла. Но онѣ оказали свое воздѣйствіе на физическое состояніе организма. Въ 50 лѣтъ она уже представляетъ изъ себя полную старуху, согбенную, съ безконечнымъ числомъ морщинъ на лицѣ, постоянными недомоганіями и т. п. Но ясность души, юморъ, здравая логика такъ прекрасно сплетаются въ этой женщинѣ, что иной разъ становится жалко, что вотъ пропадаетъ такая осмысленная, полная прекрасныхъ качествъ души жизнь въ далекой деревушкѣ, среди безплодныхъ болотистыхъ тундръ и непроходимыхъ лѣсовъ. Я прожилъ въ с. Лапинѣ около 6 мѣс., и квартира моя находилась бокъ-о-бокъ съ лачугой Матрены Бахиревой, къ которой я захаживалъ въ зимнее время

„вечериновать“ и на „бесѣду“, ежедневно. И каждый разъ я уходилъ отъ нея спокойный, уравновѣшенный и по приходѣ домой всегда думалъ о ней и страшно завидовалъ ясности и спокойствію ея души. И теперь, когда мнѣ вспоминается мое трогательное прощаніе съ Матрeной Ѳедоровной, которая „привыкла ко мнѣ, какъ къ сыну“, и при моемъ отъѣздѣ обнимала меня, плакала и причитала на моей груди,—что-то теплое пробуждается въ моей душѣ и твердитъ моему мозгу, что чело-вѣческое сердце не можетъ зачерствѣть ни отъ суроваго климата, ни отъ бесплодныхъ тундръ, а только отъ сытости и роскоши.

Упомяну еще одну сказочницу, рассказавшую мнѣ сказки: „Счастье“, „Катенька“ и „О двухъ братанахъ“.

Эти сказки списаны мною въ 1908 г. въ с. Колежмѣ, со словъ крестьянки Колежемской вол. Анны Васильевны Пайкачевой, умершей въ 1909 г. отъ горловой чахотки. У Анны Васильевны Пайкачевой я прожилъ въ квартирѣ около 9 мѣс. Это была молодая вдовушка съ тѣлосложеніемъ атлета, занимавшаяся столярнымъ ремесломъ. Съ мужемъ-столяромъ она прожила около 7 лѣтъ и нажила богатый домъ, хозяйство и немного денегъ. По смерти мужа она продолжала заниматься его ремесломъ. Дѣтей у нея не было. Анна Васильевна страшно любила веселье, любила танцевать, шутки и анекдоты. Но въ глубинѣ своей души она совсѣмъ не была расположена къ веселью. Дѣло въ томъ, что ея пытливый умъ мучился надъ вопросомъ о Богѣ. Она искала Бога, „настоящаго Бога“. Православная, она довольно часто посѣщала извѣстный Цертозерскій скитъ, находящійся въ 12 вер. отъ с. Колежмы, возила туда и деньги и продукты. Ѣздила она туда къ какой-нибудь вечернѣ, но и здѣсь душа ея не находила спокойствія. Помню, не разъ между нами завязывались горячіе споры о Богѣ, и всякій разъ Анна Васильевна просила не говорить о томъ, что нѣтъ Бога. Это ее пугало. Она теряла почву подъ ногами, ибо возражать не могла. Когда ей начали давать книжки о явленіяхъ и чудесахъ природы, она первое время проявила къ нимъ особый интересъ, но потомъ сразу остыла, что объясняется опять-таки ея боязнью потерять своего „старого Бога“, не нашедши новаго. Такое состояніе мнѣ кажется вполне понятнымъ. Оно наблюдается въ духовной жизни не только крестьянъ, но и интеллигентовъ.

Осенью 1908 г. Анна Васильевна вышла замужъ за жившаго у нея въ квартирѣ политическаго ссыльнаго и приняла, слѣдовательно, на себя новый крестъ.

Ссылный этотъ, раньше жившій въ ея квартирѣ, впоследствии былъ переведенъ въ Сумскій посадъ. Аннѣ Васильевнѣ, слѣдовательно, пришлось бросить „свое теплое, витое гнѣздышко“ и хозяйство и перебраться въ Сумскій посадъ и жить въ небольшой комнатукѣ. Это обстоятельство безусловно не могло не отразиться на состояніи ея здоровья. Да и въ самомъ дѣлѣ, всего за 22 версты у нея имѣется свой домъ и свое хозяйство, а она вынуждена валяться здѣсь въ чужомъ домѣ.

Освободившійся отъ надзора въ 1909 г. ея мужъ повезъ ее въ Кострому, гдѣ она совсѣмъ „занемогла“ и пріѣхала въ сопровожденіи его умереть въ своемъ селѣ. Полгода послѣ этого пролежала она въ постели и скончалась. Передъ смертью она выразила пожеланіе, чтобы ее хоронили старообрядцы. На Цертозерскій скитъ она завѣщала около 100 рублей.

Біографій остальныхъ лицъ, сообщившихъ мнѣ сказки, я, къ сожалѣнію, не знаю, такъ какъ эти лица были случайныя. Приношу извиненіе за то, что задержалъ читателя біографіями. Мнѣ думается, что въ страничкахъ жизни этихъ людей читатель найдетъ много интереснаго*).

I

Шутъ Гаврила.

Жилъ-былъ на свѣти шутъ Гаврила—двое со старухой.

Къ имъ ѣздили все постоящики: стояли. Што Шуту Гаврилу придумать? Вотъ онъ разъ и придумалъ. Купилъ цяску-ставяцекъ ¹⁾ ды и говорить своей старухи:

— Какъ постоящики пріѣдутъ—ты и разругайся на меня: такой-моль-сякой, не стану я самовара грѣть да ужина варить. А толокна мѣшанку ²⁾ намѣшаю.

Вотъ пріѣхали постоящики и говоря:

— Шутъ Гаврила, нельзя ли поужинать?

Старуха тутъ какъ разругается, што всимъ въ глазахъ темно стало. А шутъ Гаврила возьмѣ да наложитъ старухѣ-то толокна въ рукавъ. Вотъ старуха воды въ цяску налила да стала мѣшать. Мѣшанку намѣшала, а постоящики стоя да дивуются:

— Шутъ Гаврила, што у тебя старуха толокна не ложить, а мѣшанку мѣшать?

— У меня,—говорить,—такой ставяцекъ. Хоть на дороги пролубу выпѣшашъ³⁾, воды нальешь ды и замѣшашъ—не нать и толокна.

Постоящики и говоря:

— Нюжто правда?

— Правда,—отвѣцять Шутъ Гаврила.

Оны и говоря:

— Продай ты, Шутъ Гаврила, намъ этотъ ставяцекъ. Для дороги онъ намъ пригодитсе. Мы выпѣшимъ пролубъ по дороги ды помѣшамъ ды и поѣдимсе—сыты будемъ.

Сколько,—говорять,—возьмешь за ставяцекъ?

— Сыпьте полный серебра,—отвѣцять Шутъ Гаврила.

Вотъ оны насыпали ему серебра, взяли ставяцекъ ды и уѣхали. Пріѣхали на рѣку,—имъ и истъ захотѣлось.

Оны и говоря:

— Што, ребята, нать вѣдь мѣшанку намѣшать.

Выпѣшали пролубъ, воды въ ставяцекъ налили и давай мѣшать. Мѣшаютъ, мѣшаютъ—у ихъ ницто не рожаецсе—одна вода. Оны и говоря:

*) Еще нѣсколько словъ. При записываніи мною сказокъ я удѣлилъ большое вниманіе особенностямъ мѣснаго говора и особенно въ послѣднемъ году, когда я занимался специально изученіемъ особенностей говора поморскаго населенія. Я знаю, что во многихъ мѣстахъ можно найти ошибки въ смыслѣ неправильности передачи, наприм., нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ, за что и впредь приношу свое извиненіе. Однако, мнѣ кажется, что общія характерныя особенности говора Поморья мною переданы. Думается, что для специалистовъ эти сказки съ особенностями мѣснаго говора окажутъ не малую услугу какъ фактическій матеріалъ, на основаніи котораго возможно построить нѣкоторыя теоритическіе выводы. Укажемъ, наприм., хотя бы на то, что во всѣхъ именахъ существительныхъ въ предложномъ падежѣ употребляется вмѣсто буквы „ѣ“ буква „и“ или „ы“, наприм., царевнѣ-царевны и т. д., вмѣсто „ч“ употребляется мягкое „ц“, наприм., царевичъ—царевницъ, кадушечки-кадусецкы и т. д.

¹⁾ Чашка, въ которой готовятъ толокно.

²⁾ Гуща изъ толокна.

³⁾ Прорубь вырубить.

— Ну, такой-сякой, надулъ насъ Шутъ Гаврила.

На другой разъ Шутъ Гаврила што придумалъ?

Разрылъ онъ серебро по двору. Постойщики обратно поѣхали ды опять къ нему и даютсе:

— Шутъ Гаврила, нельзя-ли поноцевать?

А онъ имъ:

— Ой, робята, пособили собирать. Лошадь серебромъ ходить.

Оны ему и пособили, высбирали серебро все ему и заѣхали.

— Шутъ Гаврила, продай ты памъ такую лошадку,—стали оны просить. Онъ и говорить:

— Триста рублей дайте—такъ ужъ и быть.

Оны триста рублей отдали за лошадь—Шутъ Гаврила имъ и говоритъ:

— Привяжите мѣшокъ къ лошаdkѣ, да трое сутокъ не отвязывайте.

Вотъ эты постойщики поѣхали домой съ радостью, што не нать больше наживать: будутъ деньги отъ лошади.

Приѣхали оны къ женамъ, да говоря:

— Жены, мы купили лошадку. Намъ наживать больше не нать.

Привязали оны мѣшокъ. да трое сутки не отвязывали.

На четвертый день отвязали, и не ощутилось никакого серебра.

Ихъ Шутъ Гаврила опять и надулъ.

Вотъ оны опять поѣхали ды къ Шуту Гаврилу заѣхали.

А Шутъ Гаврила убивалъ быка да нацѣдилъ полный пузырь крови и привязалъ своей старухѣ подъ мышку.

И сговорились оны со старухой, што какъ приѣдутъ опять постойщики, штобы старухѣ не варить ужина.

Приѣзжаютъ эты самы постойщики къ имъ ды говоря:

— Шутъ Гаврила, нельзя-ли поноцевать?

Ихъ спустили. Заѣхали оны и говоря:

— Шутъ Гаврила, нельзя-ли поужинать?

Старуха разругалась на старика:

— Я,—говорить,—не буду сегодня ужина варить да самовара грѣть. Что хошь—то и дѣлай.

Шутъ Гаврила какъ хватить ножъ, ды подъ мышку старухѣ какъ пырнетъ—та и упала, быдто и мертва лежитъ. Вотъ Шутъ Гаврила схватилъ плетку-ременку и ну старухѣ рѣзгать ды говорить:

— Плетка-живулька, оживи мою жену.

Старуха скоцила, сейцясъ самоваръ согрѣла, ужину сварила и... все готово. Вотъ постойщики и говоря.

— Однако, Шутъ Гаврила, у тебя и плетка хороша. Не продаешь ли, Шутъ Гаврила, такую плетку намъ. У насъ таки жены противны, какъ приѣдешь домой—оны все и ругаются на насъ. Хорош-бъ,—говоря,—нашихъ женъ также провучить.

— Дакъ што,—говорить Шутъ Гаврила,—рублей двѣсти дайте—я и продамъ.

Оны вынимаютъ ему деньги, отдаваютъ да берутъ себѣ плетку. И поѣхали домой. Приѣхали оны домой—на нихъ жены бранятсе, што деньги вси пропили.

— Домой,—говоря,—ниче не привезли...

Вотъ одинъ схватилъ ножикъ и далъ жены подъ мышку, также, какъ и Шутъ Гаврила. Жена и пала.

И другой братъ такъ же, и третій. И схватили оны потомъ плетку въ руки и давай стегать женъ:

— Плетка-живулька, оживи мою жену. Жены не встають. Ну, видя,—жены мертвы. Взяли ихъ ды похоронили и опеть поѣхали.

А Шутъ Гаврила знать, што ему хорошо не будетъ.

Взялъ онъ да выкопалъ яму на задворки, сѣлъ въ куль и старуха похоронила его: землей зарыла живого въ яму.

Пріѣзжаютъ эти самы постойщики и говоря:

— Шутъ Гаврила, нельзя ли поноцевать?

Старуха имъ и говоритъ жалобно:

— Нѣту Шута Гаврилы, умеръ Шутъ Гаврила. Я безъ Шута Гаврилы не спущаю никого.

Оны и говоря:

— А гдѣ его могилоцька? Хоть словцемъ намъ его помянуть.

Старуха говоритъ:

— Вотъ тутъ на задворки.

Пришли постойщики на задворки къ могилы и говоря:

— Не станемъ мы его поминать. Разроемъ землю ды вытащимъ его оттуда.

Розрыли землю и вытащили Шута Гаврилу живого въ кулю. Положили этта его въ сани и повезли.

Привезли на рѣку, выпѣшали ⁴⁾ іорданъ, оставили Шута Гаврилу на ледъ и нецѣмъ у ихъ оказалось льду изъ іордана вырыть. Оны и пошли троима въ деревню за лопатой.

Вдругъ ѣде баринъ въ тройки да въ корети. Вотъ Шутъ Гаврила услыхалъ и кричить:

— *Насилу на барыни женя, насилу на барыни женя...*

Баринъ остановилъ лошадей и развязалъ Шута Гаврилу.

Спрашивать:

— Це крицишь?

Шутъ Гаврила и говоритъ:

— Да вотъ, баринъ, насилу на барыни женя.

— А вотъ,—говоритъ баринъ,—я женюсь.

Посадилъ Шутъ Гаврила барина въ куль, куль завезалъ, а самъ сѣлъ въ корету да уѣхалъ. Баринъ и дожидается, когда его на барыни женя.

Вотъ приходятъ мужики, вырыли ледъ съ іордана и бросили этого барина съ кулемъ въ пролубъ, а самы поѣхали и говоря:

— Ну, ладно. Хоть наши жены пропали—да и Шутъ Гаврила не живой.

Ѣдутъ,—а Шутъ Гаврила имъ настрѣту ѣде въ корети да на тройки. Оны смотря на его и говоря:

— Шутъ Гаврила, да ты откуль? Мы тебя въ воду бросили, а ты ѣдешь.

Шутъ Гаврила имъ и отвѣцятъ:

— Ой, робята, тамъ вѣдь всякихъ лошадей даютъ, въ воды-то, сивыхъ и бурыхъ да вороныхъ.

Вотъ эти братана воротились къ пролубу и одинъ бросился въ воду, а другой говоритъ:

— Онъ само лучше коня возьме.

Другой скоцилъ, а за другимъ и третій. Все и потонули.

⁴⁾ Вырубали.

А Шутъ Гаврила пріѣхалъ домой къ своей старухи и сталъ съ ей жить-поживать да добра наживать.
И теперь онъ еще живе.

II

Мать и дочь.

Жиль-быль старикъ да старуха. У ихъ была зла доць. Она постоянно ругалась сіи родителямъ, и сусѣды знали, што она така злая дѣвка. Задумалъ одинъ мужикъ жениться на этой самой дѣвкѣ. Сусѣды ему и говоря:

— Куды ты возьмешь такую злую дѣвку?

А онъ отвѣцятъ:

— Ницего, выую.

Пріѣхалъ мужикъ, сосваталъ эту дѣвку и поѣхали къ вѣнцю. Овѣщались. Отъ вѣнца и поѣхали. Вотъ куцерь лошадь бѣе—лошадь не иде. Мужикъ куцеру и говоритъ:

— Разъ, два, а третьяго не дожидайсе.

Взялъ куцера да въ снѣгъ и спихнулъ. Погонялку взялъ въ руки да ну самъ лошадедку бить. Билъ, билъ, а лошадь все не иде. Вотъ онъ лошади и говоритъ:

— Разъ, два, а третьяго не дожидайсе.

Схватилъ топоръ да ю и убилъ. Пошли домой пѣшкомъ. Пришли домой съ гостямъ. Мужикъ и говоритъ жены:

— Разъ, два, а третьяго не дожидайсе.

Жена подумала, подумала и што дѣлать? Нагрѣла самоваръ, угостила всихъ гостей чаемъ.

Вотъ ночь молоды проспали, день прожили. Къ имъ и приходитъ въ гости мать. Зетъ свернулъ папирску и пошелъ въ сѣни курить, а самъ стоитъ да слушать у дверей, што про него стануть говорить. Вотъ мать у доцери и спрашивать:

— Каково тебѣ, дитятко, живетсе?

— Да нице,—отвѣцятъ доць,—жить то хорошо, да только мужняго взгляду боюсь.

Мать и говоритъ доцери:

— Ой, шальня, не бойсе. Ругайсе побольше. Возьмешь большину⁵⁾ въ руки—и бояться не будешь. Я,—говорить,—сперва тоже боялась старика, а нонь, какъ стала ругаться на него—онъ ужъ меня боитсе.

Зетъ все это выслушалъ и не повдравилось ему. Вотъ онъ и заходить и говоритъ:

Дай-ка, теща-матушка, запашемте поле небольшо, которо у меня на задворкахъ. Теща со женой справились да вси втроемъ и пошли. Пришли на поле. Мужикъ запрегъ тещу въ соху, жены на бокъ и сталъ пахать. Поле пребольшо-большо, и онъ погонялкой тещу порѣзгивать. Вотъ оны поле запахали. Мужикъ жены и говоритъ:

— Поди, грѣй самоваръ. А ты, теща—матушка, еще заборонуй.

Выпрегъ онъ тещу-то матушку изъ сохи да запрегъ въ борону. Куды рѣзне погонялкой—тутъ у тещи—матушки на плечахъ кровяны рубци.

Забороновали поле. Вотъ мужикъ тещи и говоритъ:

— Пойдемъ, нонь, чай пить.

⁵⁾ Верхъ.

А теща страшно устала, што и говорить не могла и давай Богъ ножики домой... Прибѣжала и стала ругаться на старика.

— Охъ, ты, старикъ, бѣдный, несчастно мы дочеръ отдали замужъ.

— А што?—спрашивать старикъ.

— Да што,—отвѣцять старуха,—весь день поле пропахали. Я цуть жива осталась.

Вотъ старикъ на второй день собралсе да походить къ дочери въ гости. Пришелъ къ дочери. Зетъ такимъ же манерцикомъ папирску скрутилъ и—въ сѣни курить. Старикъ у дочери и спрашивать:

— Каково тебѣ, дитятко, жить?

— Да хорошо,—говорить,—жить-то, да только мужняго взгляду ужъ больно боюсь.

А старикъ и говорить:

— Бойсе, бойсе, дитятко, уважай да улаживай, живите хорошенько и житье поиде хорошо.

Это зетю пондравилось. Онъ приходитъ изъ сѣней, грѣтъ самоваръ, вина принесъ, блиновъ напекъ да старика наугошалъ. Вотъ старикъ домой и захоходилъ. Зетъ принесъ пива нѣсколько бутылокъ да привязалъ старику къ шеи.

Подходитъ старикъ ко своей ко старой избенкѣ, а старуха-то смотритъ въ окно да говорить:

— Ой, мои красны солнышки, я-то,—говорить,—поле пахала, а старику-то бѣдному хомутъ на шею надѣли.

Показались старухи бутылки быдто хомутъ.

Заходитъ старикъ въ избу, снимать со шеи бутылки, садитсе у стола да пьет пиво и говорить:

— Што ты, стара корзина, врала, што дочери худо. Какъ меня зетъ принялъ да наугошалъ, дакъ всю дорогу шель пьянъ. Смотри, сколько бутылокъ далъ еще на дорогу...

III

Конь, Свинья, Кошка, Собака да Пѣтухъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. У ихъ были: старый конь, свинья, кошка, собака да пѣтухъ.

Разъ старуха и говорить старику:

— Старикъ, не будемъ коня держать,—убьемъ.

Старикъ говорить:

— Давай убьемъ.

Конь услыхалъ это и ночью взялъ да ушелъ.

Слѣдъ коня и свинья ушла.

А собака хлѣбъ сѣла у старухи, и оны хотѣли ю задавить. И собака убѣжала. Остались кошка да пѣтухъ. Вотъ кошка шла разъ по полки и сронила вси горшки съ простоквашей. И кошка убѣжала. Пѣтухъ подумаль:

— Нецего мнѣ тутъ одному оставаться.

И пѣтухъ полетѣлъ.

Кошка сѣла коню на спину, а пѣтухъ къ свиньи, а собака сама. Вотъ приходятъ оны къ одной избушки. Видятъ огонекъ. Тамъ сидятъ разбойники, вино попиваютъ да золото переливаютъ. Конь и говорить:

— Стойте!

Конь какъ пинуть ногой въ окно—только стекла полетѣли.

Разбойники побѣжали изъ хаты.

Зашли конь, свинья, кошка, собака да пѣтухъ въ избу, наѣлись, напились. Конь да свинья на двори стали, собака въ сѣняхъ, пѣтухъ на крыши, а кошка въ печьки. Сидятъ.

Разбойники бѣжали, бѣжали да остановились. Одинъ и говоритъ:
— Кой чертъ мы спужались? Пойдемте обратно.

Одинъ пошелъ обратно, а два остались дожидать. Вотъ, зашелъ онъ въ избу. Темно, а спицекъ нѣтъ. Посмотритъ онъ въ печьку, а тамъ у кошки свѣтлѣютъ глаза. А онъ думать, што уголь горящій. Онъ какъ дунетъ, а кошка какъ вцѣпитсе ему въ глаза—онъ и побѣжалъ. А кошка висне у его на лицѣ. Выбѣжалъ въ сѣни—собака какъ вкусить его за ноги—онъ и палъ. А пѣтухъ на крыши кричитъ:

— Ку-ку-ре-ку, бейте его!

Онъ какъ вышелъ на дворъ—конь пинулъ его, свинья вкусила—онъ и давай Богъ ноги. Рожа-то у его вся вырвана, кровь теке. Прибѣжалъ къ тѣмъ разбойникамъ и говоритъ:

— Вотъ я на бѣду-то попалъ! Все глаза вырвали да еще кака-то вѣдьма съ крыши кричитъ:

— Ку-ку-ре-ку, бейте его!

Разбойники и убѣжали. А лошадь, свинья, кошка, собака да пѣтухъ стали жить-поживать въ этой избушки. Не нать имъ ни хозяина, ни хозяйки. Кошка стряпать, собака стереже, конь работать, пѣтухъ забавлять ихъ пѣснями, а свинья нечистъ убираетъ.

IV

Шуба-самолетъ.

Шелъ мужикъ по дороги. Пальтишко на емъ было худяще. Што онъ придумалъ? Въ смолу засмолить пальтишко это, чтобы крѣпче оно было. Засмолилъ въ смолы, идетъ и видитъ; у птицы пухъ много растреплено. Онъ взялъ да закаталъ пальтишко-то это само въ пухъ. Къ смолы пухъ-то и прильнулъ. И сдѣлалось пальто мохнато. Вотъ мужиценко-то, этотъ самый, иде да руками размахивать. Настрѣту ему ѣдетъ попъ. Остановилъ лошадей попъ: антиресно ему посмотрѣть на мужицью шубу. Попъ мужику и говоритъ:

— Што у тебя, братецъ ты мой, за шуба така?

— Это у меня шуба-самолетъ,—отвѣцять мужикъ.

Попъ и говоритъ:

— Кака така самолетъ?

— Така самолетъ, батюшко, што куды вздумашъ, туды и понесе,—говоритъ мужикъ,—хоть въ Питеръ, хоть въ Москву. Только на высокій домъ выстанъ, руками замаши—ды и будешь въ Питерѣ.

Попъ и говоритъ:

— А сколько возьмешь ты за эту саму шубенку?

— Сколько?—отвѣцять,—триста рублей да съ тебя шубу, корету и лошадей.

Попъ ему и отдавать. Одѣвать онъ на себя шубу-самолетъ, а мужиценка садится въ корету и съ радостью поѣзжать домой. Вотъ попъ и приходитъ въ новой шубѣ домой. Пришелъ и говоритъ своей попадѣ:

— Матушка, грѣй самоваръ. Сейцясъ въ Питеръ полецу.

Попадья смотритъ и говоритъ:

— Какъ полетишь?

— Да смотри,—отвѣцять попъ,—я шубу—самолетъ купилъ.

Вотъ попадья согрѣла самоварчикъ, попъ чаю напился, призвалъ знакомыхъ смотрѣть, какъ онъ полетитъ. Вылѣзъ онъ на высокій домъ, а знакомы вси смотря на его. Попъ руками замахалъ, ногами задрывалъ и... полетѣлъ...

Палъ на землю да убился.

И сказки конецъ, добрый молодець.

V

Попъ и работникъ.

Жиль-былъ попъ съ попадьею. Разъ приходитъ къ попу работникъ наниматься.

— Што,—говорить,—батюшко, возьмете меня въ работники?

Попъ и спрашивать:

— А што мошь работать?

— Што,—говорить,—дрова могу рубить и... и все.

Вотъ попъ и посылать работника:

— Поди рубить дрова.

Работникъ и пошелъ дрова рубить. Нарубилъ работникъ дровъ пребольшу-большу кучю да пришелъ домой.

Попъ и говорить ему:

— Што нарубилъ ужо дровъ?

— Нарубилъ,—говорить работникъ.

— Мало,—говорить попъ.

— Дакъ поди, посмотри,—отвѣцять работникъ.

Пришелъ попъ, посмотрѣлъ и диву дался—сколько дровъ нарубилъ работникъ. Приходить онъ домой и говорить попадѣ:

— Матушка, вотъ бѣда, попали мы на работника. Страшно дровъ много нарублено. Пошлемъ мы его въ поле—пускай нашихъ коровъ приведетъ.

А коровъ-то въ ноли у попа и не было.

Приходить попъ къ работнику и говорить:

— Сходи-ко въ поле да приведи нашихъ коровъ.

Вотъ приходитъ работникъ въ поле, и медвѣдь хоче его сѣистъ. Онъ медвѣдя схватилъ за голову, сѣлъ къ ему на спину и поѣхалъ. Пріѣхалъ домой, медвѣдя снутилъ на дворъ. А у попа на двори было петь коровъ. Медвѣдь вси эти коровы и сѣлъ. Вотъ работникъ приходитъ къ попу въ избу да говорить ему:

— Поди смотри. Я привелъ коровъ.

Попъ пришелъ на дворъ, а тамъ одинъ медвѣдь ходитъ и коровы вси сѣдены.

Онъ работнику и говорить:

— Поди, сходи къ озеру—тамъ я купался да крестъ потерялъ. Найди-ко, ты, его да принеси мнѣ.

А самъ посылать, штобы воденникъ сѣлъ. Работникъ и пошелъ. Пришелъ онъ къ озеру—воденникъ ходитъ. Работникъ схватилъ воденника за длинны волосы и повелъ. Привелъ опеть на дворъ къ попу и спустилъ. Приходить къ попу:

— Поди,—говорить,—крестъ твой на двори.

Попъ какъ посмотреть, а на двори воденникъ ходитъ.

Приходить опеть попъ къ работнику да говорить:

— Поди-ко въ лѣсъ сходи да принеси мои деньги.

Работникъ преспокойно запрегъ медвѣдя, воденника кучеромъ посадилъ, а самъ сѣлъ въ повозку барипомъ.

Приѣхалъ онъ въ лѣсъ, а настрѣту ему церть иде.

— Давай,—говорить,—съ тобой въ карты поиграемъ.

— Давай,—отвѣчаютъ работникъ.

Ну вотъ, сѣли оны въ карты играть. Играли, играли, играли, играли—всю ночь напролетъ. Работникъ церта и обыгралъ. Церть работнику и деньги отдалъ.

Работникъ сѣлъ въ повозку и поѣхалъ. Привезъ онъ попу деньги да и говорить ему:

— На, бери.

Попъ и говоритъ своей попадьи:

— Вотъ бѣда, матушка, никуда не дѣннису отъ работника.

Давай стряпай стряпню да убѣжимъ съ дому.

Попадья стряпню настряпала, полный кошель наложила и повѣсила къ воронцу. Работникъ приходитъ въ избу—въ избы никого нѣту. Заглянулъ въ кошель—въ кошели стряпня. Онъ стряпенку-то эту всю и сѣлъ, а самъ въ кошель сѣлъ. Сидитъ. Вотъ приходитъ попъ да говорить:

— Ну, матушка, нѣту работника—побѣжимъ.

Попъ кошель на плечи схватилъ и оны убѣжали.

Вотъ оны бѣжать, бѣжать по дороги, а работникъ въ кошели тихонько и кричитъ:

— До-го-ню, до-го-ню.

А попъ попадьи и говоритъ:

— Бѣжи, матушка, скорѣ. Онъ вслѣдъ бѣжитъ насъ.

Бѣжали оны, бѣжали, пока устали ды истъ захотѣли.

Добѣжали до озера—попъ и говоритъ:

— Давай, матушка, поѣдимъ.

Вотъ снимать попъ нроць со себя кошель и нацинать его розвѣзывать. Только хоче взять стряпню, а изъ кошеля вылѣзаетъ работникъ. Опеть имъ и бѣда. Такъ голодны оны и спать повалились⁶⁾. Повалили оны работника о само озеро и говоря тихонько:

— Какъ заснетъ онъ, дакъ мы его и пихнемъ въ воду.

А работникъ былъ не дуракъ. Попъ съ попадьей уснули, а онъ взялъ да перешелъ на другой бокъ. Вотъ попадьи проснулась да вмѣсто его пихнула въ воду попу. На слѣдъ попу работникъ пихнулъ въ воду попадью. Оны оба и потонули. А работникъ пришелъ домой, все пораспродавъ, денежки себѣ въ карманъ положилъ да уѣхалъ. Сталь жить-поживать да добро наживать. И все...

VI

Царь и мужикъ.

Жиль-былъ царь съ царицей. У ихъ была доць, и жила у ихъ одна старуха. Одинъ мужикъ придумалъ царя надуть. Взялъ онъ пшашку смолы, илѣ да кричитъ:

— Нѣтъ ли лбовъ золотить?

Пришелъ онъ къ парицѣ да говорить:

— Што, можно васъ позолотить?

Она говоритъ:

— Позолоти.

Онъ ю позолотилъ, сто рублей у ей полуцилъ и говоритъ:

— Лежите, штобы золото не съѣхало.

⁶⁾ Легли.

Зашелъ въ другу комнату. Тамъ царська дочь.

Онъ ю и спрашивать:

— Што, можно васъ позолотить?

Она говорить:

— Позолоти:

Онъ и ю позолотилъ, сто рублей взялъ и сказалъ, што царицѣ.

Потомъ зашелъ въ третью комнату. Тамъ стара старуха.

— Што, можно васъ позолотить?—спрашиваетъ.

— Подзолоти подъ штарость—шамкать старуха.

Онъ ю позолотилъ, взялъ сто рублей и ушелъ.

Заходитъ царь къ царицѣ. Царица ему и говорить:

— Тише, тише, баринъ, подзолота не сбей, подзолото—сто рублей.

Онъ и говорить ей:

— Да што ты, ты вѣдь не въ золоти, а въ смолы.

Потомъ царь зашелъ къ дочери да ко старухѣ. Тамъ то-же.

Вотъ царь и спрашивать:

— Кто васъ тутъ смолой помазалъ?

Оны и говоря:

— Да вотъ мужикъ какой-то приходилъ золотить.

Царь повернулся, взялъ лошадь и поскакалъ догонять этого мужика. А мужикъ иде по дороги и ему стрѣту старуха.

Онъ старухи и говорить:

— Старуха, снимай одежду Сейцясь царь поѣде. Онъ тя убье.

Старуха сняла одежду и мужикъ старуху въ мохъ закопалъ, а самъ одѣлъ старухину одежду и стоитъ. Ыдетъ мимо царь.

— Што,—говорить,—бабушка тутъ дѣлалъ?

— А сусла¹⁾ развожу.

— А не видала тутъ прохожаго, такого разбойника-мужика?

— А вотъ недавно этта проѣзжалъ тутъ какой-то разбойникъ.

— А не мошь-ли, бабушка, догонить его?

— Отце! могу. Только дайте мнѣ одежду со себя.

Царь отдалъ мужику свою одежду. Мужикъ ю надѣлъ на себе, а царя надѣлъ въ старушью одежду и говорить ему:

— Держи сусла, не выкопай. Я поѣду догонить.

И мужикъ уѣхалъ.

Царь стоялъ, стоялъ. Потомъ услышалъ изъ подъ мху какъ старуха заворчала. Онъ взялъ, разрылъ мохъ, а тамъ старуха жива. Старуха царю и говорить:

— Да што ты, батюшко, тотъ-то разбойникъ и былъ. У меня онъ одежду снялъ да закопалъ въ мохъ.

Ну, што тутъ царю дѣлать? Отдалъ онъ старухи ейно платье, самъ надѣлъ мужицкое, которое у старухи было и пошелъ домой.

Пришелъ домой, а его солдаты не пускаютъ: опознали. Онъ затымъ и взмолился солдатамъ:

— Да што вы, братики, я вѣдь вашъ царь-то.

Его потомъ и пустили.

А мужикъ домой пришелъ съ деньгами и нонъ еще живе—поживать да добро наживать.

И смѣется онъ надъ царемъ, какъ онъ ловко надулъ его.

¹⁾ Это слово сама сказочница не могла объяснить.

VII

Сказки объ Иванушкѣ-Дурачкѣ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. У ихъ было три сына. Младшій былъ Иванушка-дурачекъ. Отецъ у ихъ былъ больной: лежалъ при смерти. Онъ сыновьямъ и говорить:

— Какъ я, сыновья, помру—вы вси по ноци посидите у меня надъ могилкой.

Вотъ отецъ и померъ. Перву ночь нать идти старшему сыну сидѣть. А старшій сынъ боится идти, посылаетъ Ваньку.

— Ванька, сходи-ка посиди за меня ночь-то.

Ванька лежитъ на печи, а ноги у него къ потолку и говорить:

— А што даите?

А невѣстки говоря:

— Блинъ житный да блинъ овсяный даемъ.

Ванька слѣзаетъ съ печи, одѣваетъ свою шубенку, бере блины и пошелъ. Приходитъ на кладбище и слѣзъ къ отцевой могилы. Отецъ и высталъ изъ ямы. Сидитъ съ Ванькой отецъ да разговаривать. Заря стала, пѣтухи запѣли, отецъ и палъ въ гробъ. А Ванька пошелъ домой.

Втора ночь. Среднему сыну нать идти къ отцю. Опять Ваньку онъ и посылать.

— Давай, Ваня, сходи да посиди за меня еще ночь.

Опять дали Ванькѣ блинъ житный да блинъ овсяный, и онъ пошелъ. Опять пришелъ, посидѣлъ да съ отцемъ поразговаривалъ. Пѣтухи запѣли, заря встала, отецъ опять и палъ въ гробъ.

Третья ночь. Ванькина очередь идти. Невѣстки и братава говоря:

— Хотѣ-бы слѣзъ отецъ Ваньку—не жалко.

Вотъ Ванька опять и пошелъ. Сидитъ опять съ отцемъ разговаривать. Отецъ ему далъ золотой клубокъ и говорить:

— Спустишь этотъ клубокъ. Куды онъ покатится—туды и ты поди.

Пѣтухи запѣли—отецъ и палъ въ гробъ. Вотъ Ванька пришелъ домой, свалился на печь да лежить. Утромъ братава собираются: походятъ смотрѣть тамъ одну царевну, котора сидитъ на третьемъ этажѣ. Будутъ тамъ приѣзжать у кого конь хорошій да можетъ перескочить вси стѣны. Тому и царевна броситъ золотымъ кольцомъ въ лобъ. И у кого во лбу останется кольцо—тотъ ейный суженый и будетъ.

Братава пошли. Ванька бере корзинку и походить по грибы. Спустилъ онъ клубокъ золотой, а самъ пошелъ за нимъ. Выскоцилъ конекъ—въ ноздряхъ—искры, въ ротяхъ—пламя. Ванька къ коньку сунулся въ ухо—намылся; въ друго сунулся—накрутился¹⁾. Сѣлъ на конька да и поѣхалъ. Вотъ приѣхалъ онъ туды, къ царевнѣ. Конь какъ вскоцилъ—только два вѣнца не могъ перескочить. Ванька повернулсе—только пощипывать погонялкой всихъ. Вси смотря на него. Поѣхалъ Ванька обратно домой. Спустилъ конька, а самъ свалился на печьку да лежить. Вотъ приходя братава и говоря:

— Охъ, Ванька, ты не видѣлъ, какъ приѣзжалъ туды молодець.

Конь-то какъ у молодца..

Ванька лежитъ да пощипывается и говорить:

— Не я ли, хотѣ, былъ-то?

Братава и говоря:

— Ужъ нихто ужъ былъ, какъ не ты, слюневатикъ, пулеватикъ.

¹⁾ Принарядился.

На второй день братапа снова справляются смотрѣть къ царевны. А Ванька—корзину въ руки и пошелъ. Опеть спустиль онъ клубокъ и выскоцилъ, конекъ. Въ ноздряхъ у его—искры, въ ротяхъ—пламя. Онъ опеть намылся, накрутилсе и поѣхалъ. Опеть какъ конь скоцилъ дакъ одного вѣнца до царевны не могъ перескоцить. Повернулсе Ванька—только пыль столбомъ пошла. Спустиль конька, а самъ опеть и на печьку. Опеть приходя братапа и говоря:

— Охъ, Ванька, какой молодець-то тамъ пріѣзжалъ...

А Ванька опеть посмѣхиваетсе и говорить:

— А не я ли, хоть, былъ-то?

Оны и говоря:

— Ну, дуракъ, молчи.

И на третій день братапа опеть отправились смотрѣть. Ванька опеть спустиль клубокъ, выскоцилъ конекъ. Какъ пріѣхалъ Ванька, конекъ его какъ скоцитъ, онъ черезъ стѣны и перескоцилъ. Царевна Ваньки золотымъ кольцемъ да въ лобъ. Такъ во лбу кольцо и осталось.

Ванька пришелъ домой; опеть забралсе на печьку, въ гнилу²⁾ замасалсе весь и лежитъ. Вотъ братапа и пришли и говоря:

— Охъ, Ванька, сегодня ты не видѣлъ молодця...

Ванька опеть и говорить имъ:

— А не я ли, хоть, былъ-то?

Братапа и говоря:

— Лежи тамъ, слюневатикъ, пулеватикъ.

Повалились спать, Ванька какъ рукой-то со лба то сошоркалъ гнилу—въ избы стало свѣтло, какъ отъ лампы.

Засвѣтило—братапа и говоря:

— Мамка, Ванька табакъ курить.

Мать и говорить:

— Ванька, туши спичьку—не то зажгешъ што нибудь.

Утромъ братапа опеть запоходили къ царевны. Ванька свою худую шубенку на плечи надѣлъ и пошелъ тоже къ царевны на пиръ. Пришли. Царевна всихъ обходить да смотреть, а Ванька затынулсе за печьку ды и лежитъ. Замаралсе онъ весь въ сажу да въ гнилу. Царевна всихъ пересмотрѣла: и богатыхъ и нужныхъ—ни у кого не могла найти кольцо-то во лбу.

Потомъ увидѣли этого Ваньку. Смыли съ его сажу да гнилу и увидѣли кольцо во лбу. Тутъ царевна и сказала:

— Этотъ мой мужъ суженый.

Сейчасъ Ваньку взяли прислуги, хорошенько намыли, одежду принесли да накрутили и съ царевной обвѣнчали. Братапа ему завидовали. А онъ сталъ жить-поживать съ царевной. И все...

И. Цейтлинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

²⁾ Глину.

Поморскія народныя сказки.

(Окончаніе).

VIII*)

* * *

Жиль-былъ на свѣти Ванька—двое съ матерью. Ванька ходилъ .
наживать. Наживалъ по три копейки въ день. Разъ идетъ Ванька по
улицы, а мужикъ давитъ собаку. Ему стало жалко.

— Продай мнѣ собаку,—говорить,—не дави.

Мужикъ и продалъ ему собаку за три копейки. Вотъ Ванька при-
шелъ да собацку домой принесъ и говоритъ:

— Мамка, я собацку купилъ.

Мать и говоритъ:

— Куды ты собаку покупаешь, какъ у самыхъ истъ нечего?

На второй день Ванька пошелъ, а мужикъ кошку давитъ.

— Не дави,—говорить,—продай мнѣ.

Мужикъ и продалъ ему кошку за три копейки.

Онъ принесъ домой кошку. Въ третій день пошелъ, а мужикъ
змѣю давитъ. Онъ мужику и говоритъ:

— Не дави, мужицекъ, продай мнѣ.

Мужикъ ему змѣю и продалъ за три копейки. Пришелъ Ванька
домой и принесъ змѣю. Змѣя подъ печьку и затянулась. Ванька мате-
ри говоритъ:

— Мамка, я змѣю купилъ.

Мать страшно спугалась и говоритъ:

— Да што ты, Ваня, ошалѣлъ?

На четвертый день Ваня пошелъ, нажилъ три копейки и купилъ
фунтъ хлѣба. Мать въ эту пору нажгала коцерыгу и побила ей змѣю.
Пришелъ Ванька домой, накормилъ собаку, кошку, самъ поѣлъ, да ма-
тери далъ хлѣбъ. Змѣя и говоритъ Ванькѣ по целовѣцки:

— Ваня, веди меня къ моему папѣ. Твоя мама меня здѣсь очень
обижать.

А эта змѣя была дѣвица. Только она какъ замужъ и уходила, дакъ
ю спортили на свадьбы. Ну, Ваня ю домой и повелъ. Она по дороги
Вани и говоритъ:

— Ваня, не бери у меня ни злато, ни золото. Только одно кольцо
возьми.

Поскакала змѣя по пеньямъ, по колодьямъ. А Иванушка слѣдъ ей.
Вотъ прыскачила змѣя да черезъ стѣну какъ махнула и сдѣла-
лась дѣвица—лучше, краше на свѣтѣ ей нѣтъ.

И сталъ Иванушкѣ ейный папа давать золота:

— Бери сколько надо.

Иванушка золота не бере—только кольцо просить. Отецъ ему
кольце и отдалъ. Иванушка пошелъ домой. Пришелъ домой ноци-сь и
легъ спать. Ноци-сь взялъ да кольцо перемѣнилъ съ пальцю на палець
и выскоцило три молодця:

— Што, новый хозяинъ, нать?

Онъ и говоритъ:

— Анбаръ хлѣба, да банку денегъ нать.

*) Продолженіе сказокъ объ Иванушкѣ-дурачкѣ.

Ред.

Ну, ему и все готово. Вставать утромъ Ванька и говорить:

— Мамка, напеки-кось блиновъ сегодня.

А мать ему говоритъ:

— Ошалѣлъ што-ли? У насъ вѣдь муки-то нѣтъ.

Ванька и отвѣцятъ:

— Да поди въ анбаръ-то да возьми.

Мать какъ пришла въ анбаръ, такъ прямо крыша вздымается отъ муки. Ну, она муку взяла да и пошла. Пришла въ домъ—Ванька опять ей и говоритъ:

— Возьми денегъ да купи масла, мнѣ на рубаху да себѣ башмаки.

— Ваня, да у насъ денегъ то нѣтъ,—говоритъ мать.

— Да бери въ банки-то, на полки,—отвѣцятъ Ванька.

Мать денегъ взяла и пошла въ лавку. Купила масла, себѣ башмаки да Ванькѣ на рубаху. Потомъ пришла домой, напекла блиновъ, накормила Ваню. Ванька ей опять и говоритъ:

— Поди, нонь, къ царю да сватай дочерь замужъ за меня.

А мать и глаза выпустила.

— Да што ты, Ваня, ужъ будто царьска дочерь пойде за тебя.

— Поди, поди—отвѣцятъ Ванька,—головы то не срубя.

Пришла старуха къ царю, а руки да ноги у ей дрожатъ, и говоритъ:

— Милостливый Государь, не отдаешь ли свою дочерь за моего сына замужъ?

Государю показалось это смѣшно. Онъ и говоритъ.

— Пускай такую же палату выстроить, какъ у меня, чтобы отъ вашего крыльца до моего дворца былъ стеклянной мостъ.

Вотъ старуха пошла и говоритъ Иванушки:

— Вотъ какъ загодку Государь загонуль: чтобы ты такой-же дворецъ, какъ у его, выстроилъ да чтобы отъ нашего крыльца до его дворца стеклянной мостъ былъ.

А Ванька отвѣцятъ:

— Это не служба, а службиска. Еще служба вся впереди.

Ночью взялъ кольцо съ пальцу на палецъ перемѣнилъ и выскоцило три молодца:

— Што, новый хозяинъ, нать?

— Нать такую же палату, какъ у царя, и чтобы отъ моего крыльца до царьскаго дворца стеклянной мостъ былъ.

Утромъ встала мать и не зная, куды пойти послѣ худой-то избенки. Иванушка говоритъ ей:

— Ну, поди сватай теперь.

Мать какъ вышла съ крыльца да по стекляному мосту прокатилась до царева дворца. Пришла къ царю и говоритъ:

— Ну, все готово.

Царь какъ посмотритъ и говоритъ:

— Пускай, чтобы къ вѣнцу какъ пойдутъ, чтобы яблоки цвѣли на улици, а какъ—съ вѣнця пойдутъ, чтобы на столи были.

Свадьбу снаряжали да къ вѣнцу пошли. Какъ къ вѣнцу шли—яблоки на улици цвѣли, а обратно пришли—яблоки на столи были.

Вотъ молодые спать повалились. Царевна и спрашиваетъ у Вапи:

— Гдѣ ты богатство нажилъ?

А Иванушка возьми да Расскажи ей. Вотъ заснулъ онъ, царевна у его кольцо стащила, съ пальцю на палець перемѣнила и выскоцило три молодца:

— Што, нова хозяйка, нать?

— Перенесите меня съ этой палатой да съ мостомъ въ такой-то городъ къ моему жениху.

Сейчасъ ю перетащили. А Иванушка какъ проснулся утромъ—видитъ, што онъ опеть въ старой избенки, денегъ нѣту ды и жены нѣту. И посадили его въ тюрьму.

А кошка да собака, которы были у Иванушки, собрались и пошли кольцо искать. Пришли оны въ тотъ городъ, въ тотъ домъ, гдѣ царевна живетъ. Царевна лежитъ на кровати со женихомъ, и кольцо у ей въ зубахъ. Кошка захватила мыша и бросила къ царевни на губы. Царевна заплевалась и кольцо на полъ выронила. Кошка захватила кольцо въ зубы, да и убѣжала. Пришли кошка съ собакой къ рѣки. Нать рѣка переплыть. Собака поплыла, а кошка у ей на спине. Вотъ собака спрашивать у кошки,—есть ли у ей кольцо. Кошка отвѣтила и выронила кольцо изъ рта въ воду. Приплыли оны къ берегу и сидятъ.

А тутъ ловейки ловили. Оны заловили шуку пребольшу-большу, пріѣхали на берегъ и стали ю дѣлить и говорить:

— Дать хотъ бѣднымъ собаки да кошки костоцки отъ шуки.

Стали собака да кошка костье истъ, а тамъ кольцо.

И побѣжали оны съ радостью. Принесли къ тюрьмы и подали кольцо Иванушки черезъ окосецко. Иванушка перемѣнилъ съ пальцю на палець и выскоцило три молодца.

— Што, новый хозяинъ, нать?—спрашиваютъ оны.

Онъ и говорить:

— Перенести отъ такой-то царевны палаты и стекляной мость, а меня туды изъ тюрьмы.

Сдѣлали. Иванушка потомъ пришелъ къ самому Государю и рассказалъ, какъ богатство нажилъ и гдѣ его доць-царевна живе. Царь ему отдалъ меньшу доць замужъ. Овѣнцелись оны и живутъ въ добри да во радосяхъ еще и теперь.

Сказки объ Иванъ-Царевичъ.

IX

Жиль-быль на свѣти Иванъ-Царевичъ. Вотъ разъ Ивану-Царевичю пришлось пробѣжать мимо бани. Давай, думать Иванъ-то Царевичъ,—пойду посмотрю, не моютсе-ли красны дѣвицы.

Подошелъ къ бани и слышитъ, три дѣвицы баютъ. Посмотрѣлъ—кудели цешутъ. Одна говорить:

— Кабы меня Иванъ-Царевичъ взялъ—золоты бы кружева сошила.

Друга говорить:

— Кабы меня Иванъ-Царевичъ взялъ—я бы золоту манищецку ему бы сошила.

А третья говорить:

— Кабы меня Иванъ-Царевичъ взялъ—я бы въ трехъ брюшкахъ девять сынковъ ему породила, каждый по колѣно ножки въ серебри, по локоть ружьки въ золоти, во лбу соньце, а въ затылкѣ ясный мѣсяць, а по окосицямъ *) цысты мелки звѣзды.

*) Вискавъ.

Иванъ-Царевичъ все выслушалъ и взялъ третью дѣвицу замужъ. Ю звали Марья. Иванъ-Царевичъ пожилъ съ ей и потомъ поѣхалъ за моря. Царевна родила отъ Ивана-Царевича трехъ сынковъ. У сынковъ всихъ ножки въ серебри, руцки въ золоти, во лбахъ соньца, на затылкахъ ясны мѣсяци. Послала Марья-Царевна прислугъ бабокъ звать. Вотъ иде прислуга, а настрѣту ей Яицъна-Бабицъна иде и спрашивать:

— Куды, дѣвка, пошла?

Дѣвка говоритъ:

— Бабку наживатьъ.

— Возьми ко меня.

— Пойдемъ.

Вотъ Яицъна-Бабицъна взяла трехъ собаценокъ, принесла къ царевни и оставила ихъ, а трехъ сынковъ забрала.

Вотъ пріѣзжатъ Иванъ-Царевичъ, а эти собацѣнки лаютъ:

-- Тяу, тяу, нашъ папенька пріѣхалъ.

Онъ и говоритъ:

— Перву вину Богъ проститъ.

Иванъ-Царевичъ опять пожилъ и уѣхалъ. Опять царевна и родила. Созвали прислугу и послали за бабкой. Опять пришла Яицъна-Бабицъна и принесла трехъ собаценокъ, а сынковъ унесла.

Иванъ-Царевичъ пріѣхалъ и говоритъ:

— Втору вину Богъ проститъ.

Третій разъ царевна родила. На этотъ разъ она одного сына заплела въ косу, другого зашила въ подусецку, а третій осталсе. Яицъна-Бабицъна опять принесла трехъ собаценокъ, а паренька забрала. У Яицъны-Бабицъны вси эти мальчики во саду жили.

Пріѣхалъ Иванъ Царевичъ и говоритъ:

— Третій разъ Богъ не проститъ.

Взялъ боцку сковалъ, царевну въ боцку посадилъ и въ море ю и бросилъ, а самъ взялъ Яицъны-Бабицъны дочеръ замужъ.

Царевну по морю поситъ въ боцки. Она одного сына вынула изъ подусецки, а другого выплела изъ косы и сидитъ съ има. Вотъ сынки и говоря:

— Матушка, кабы насъ на бережокъ прибило.

А она отвѣцятъ:

— Дѣтоцки, кабы изъ вашихъ устъ да Богу въ уши.

Ихъ на берегъ и прибило. Сынки опять и говоря:

— Матушка, кабы у насъ боцку разломило.

— Дѣтоцки, кабы изъ вашихъ устъ да Богу въ уши.

У ихъ боцку и разломило. Оны опять и говоря:

— Матушка, кабы у насъ бѣлокаменна палата сдѣлалась.

У ихъ и сдѣлалась. Оны опять и говоря:

— Матушка, кабы намъ кисейны бережка сдѣлались.

Вотъ и кисейны бережка сдѣлались. Оны опять и говоря:

— Матушка, кабы намъ черезъ эту рѣцку стекляной мостъ сдѣ-
чался.

И сдѣлался стекляной мостъ.

Сошила царевна сынкамъ рубашецки; оны и бѣгаютъ. А она жидитъ да золоты коньца шьетъ.

Разъ ей сынки и говоря:

— Матушка, мы нойдемъ своихъ братцевъ искать.

Оны одѣлись въ рѣбушно платье и пришли въ домъ къ Ивану-Царевичу.

Онъ сѣлъ съ има и рассказывать побывальщина, што у его была жена да ю спустилъ въ море. А Яицѣна-то-Бабицѣна говоритъ Ивану-Царевичу:

— Да есть у тя толку-то: всякимъ нишимъ рассказывашь.

Потомъ мальчики пошли въ садъ къ Яицѣны-Бабицѣны и всѣхъ братановъ оттудова повывели.

А Иванъ-Царевичъ ужъ до того дожилъ, что просить по міру пошелъ. Пришелъ онъ разъ къ бѣлокаменнымъ палатамъ, гдѣ сидѣла царевна и шила золоты коньця.

Видитъ онъ: бѣгаютъ вси деветь мальчиковъ, по колѣно у ихъ ножки въ серебри, по локоти руцки въ золоти, во лбахъ соньца, во затылкахъ ясны мѣсяци, а по окосицямъ цѣсты мелки звѣзды.

Тутъ Иванъ-Царевичъ расплакался и рассказалъ царевнѣ про свою жисть, потомъ поцѣловались съ царевной и поцѣловалъ всихъ сынковъ. Сходилъ онъ домой да Яицѣну-Бабицѣну на воротахъ пострѣлилъ и сталъ снова съ царевной Марьей да со сынками жить поживать во счастья да во радосьяхъ.

X

* * *

Жилъ-былъ царь да царица. У ихъ въ поли хто-то рѣпу воровать. Вотъ разъ царь и посылать старшого сына рѣпу каравулить. А онъ сходилъ къ сусѣдамъ и посидѣлъ, да пришелъ домой и говоритъ:

— Никого не могъ видѣть на поли.

Послали средняго каравулить. Тотъ также сходилъ, пришелъ домой да говоритъ:

— Никого не могъ укаравулить въ поли.

Вотъ пришла оцередь младшому сыну каравулить. Его звали Иванъ-Царевичъ. Иванъ-Царевичъ пришелъ на поле, сѣлъ на угородъ и сидитъ.—Настала ночь. Темно. Иванъ-Царевичъ пѣсенки распѣвать, на небѣ звѣзды считать.

Потомъ вдругъ выскоцилъ мужицекъ, маленькій, съ горбикомъ, и нацѣлъ рѣпу рвать. Иванъ-Царевичъ соскоцилъ съ угорода, да ну ему рвать тоже рѣпу (мужику). Затѣмъ мужицекъ Ивану-Царевичу и говорить:

— Ну, Иванъ-Царевичъ, умѣлъ рѣпу мнѣ нарвать, дакъ умѣй и ко мнѣ зайти.

Мужицекъ указалъ Ивану-Царевичу, куды зайти къ ему въ под-земелье. Иванъ-Царевичъ пошелъ домой, взялъ братанъ и пошли. Вотъ пришли оны на поле, онъ братанамъ и говоритъ:

— Вы постойте-косъ здѣсь.

Пришелъ Иванъ-Царевичъ къ мужицку, и сѣли оны въ карты играть. Иванъ-Царевичъ этого мужицка и обыгралъ.

Мужицекъ ему и говоритъ:

— Ну, Иванъ-Царевичъ, умѣлъ меня въ карты обыграть, умѣй отгонуть, кака понугай-птица, кака помогай-птица, кака бѣла лебедь.

Иванъ-Царевичъ говоритъ:

— Сейчасъ выйду на крыльце и закурю, тогда и буду отгадывать.

Вотъ онъ вышелъ и думать. Этимъ временемъ пробѣжала собака-ка-Мухтоцька и говоритъ ему:

— Иванъ-Царевичъ, скажи, што попугай-птиця—это муха, а помогай-птиця—комаръ, бѣла лебедь—вошь.

Вотъ Иванъ-Царевичъ вошелъ и отгонулъ мужицку загадку.

Мужицекъ и говорить:

— Ну, Иванъ-Царевичъ, умѣлъ отгнать, дакъ я за тебя Марью-Царевну замужъ отдамъ. Вотъ мужицекъ приданно всяко надавалъ, и стали братана приданно вздымать на ремняхъ.

Потомъ Марью-Царевну вызыннули и спрашиваютъ Ивана-Царевича:

— А еще што есть вздымать?

А онъ говорить:

— Нонь меня вздымайте.

Вотъ оны, какъ стали его вздымать, взяли да перерѣзали ремни.

Иванъ-Царевичъ и полетѣлъ обратно туды, въ подземелье.

А эти братана взяли Марью-Царевну себѣ и пошли домой.

А Иванъ-Царевичъ подземельными ходами вышелъ на бѣлый свѣтъ и пошелъ, куды голова понесе.

Вотъ онъ иде и видить: стоитъ избушка. Онъ взялъ да зашелъ въ избушку. А тамъ въ избушкѣ Бабушка-Зодворенка живе.

Бабушка накормила да напоила его, да спрашивать:

— Куды, дитетко, идешь? Куды попадашь?

Онъ говорить:

— Да вотъ, бабушка, иду домой. Могу ли нѣтъ попастьъ?

— А вотъ, дитетко, пойдешь мимо одного мѣста—тамъ Яицна-Бабицна живе; она всихъ ѣстъ, дакъ ужъ и тебя съѣстъ. Ты какъ придешь къ ей въ избу, она посадить тебя на пекло въ печьку садить. Она какъ тебѣ скажетъ: „руки съузъ“—ты скажи ей:

-- Седь-ко сама да поучи-ко меня.

Она какъ сядетъ на пекло, ты ю въ печьку свисни да самъ убѣжи. Вотъ, дитетко, я еще тебѣ дамъ щетку, гребень и зеркало. Какъ она слѣдъ тебя погонитсе—ты это все бросай.

Иванъ-Царевичъ съ бабушкой распростился, ды и пошелъ.

Вотъ зашелъ онъ къ этой самой Яицны-Бабицны. Яицна-Бабицна говорить:

— Вотъ, дуракъ, и попалъ. Садись на пекло.

Иванъ-Царевичъ сѣлъ, руки расширилъ. Яицна-Бабицна говорить:

— Узъ руки! Лучше сиди.

А онъ и говорить:

— Да седь-ко сама, поучи-ко меня.

Она сѣла, склонилась, скорчилась. Онъ какъ на пекли ю пихнулъ въ печьку да заслонку замазалъ, а самъ убѣжалъ. Она заслонку ногами выколотила и побѣжала за нимъ. Бѣжить и говорить:

— О-охъ ты, дуракъ. Нынче нарвесся, попалъ.

Онъ какъ бросилъ гребень—сдѣлался лѣсъ такой высокой, што птицы не перелетѣтъ да звѣрю не перейти. Она зубами перегрызнула да опять и летитъ вслѣдъ его и говорить:

— Ну-у, дуракъ, нонь, все равно, не урвесся.

Онъ какъ бросилъ щетку—сдѣлалась гора превысока-высока.

Она опять эту гору перегрызла ды и бѣжить и говорить:

— Ну-у, дуракъ, нынче, все равно, што пропасть.

Онъ какъ бросилъ зеркало,—сдѣлалась огненна рѣка. Она поплыла ды и сгорѣла.

Вотъ Иванъ-Царевичъ подошелъ къ своему городу. Тутъ его бабушка жила. Онъ и пошелъ къ бабушки. Съ бабушкой обнелись-дакъ цютъ не переломились отъ радости.

Онъ спрашивать у бабушки:

— Сюды ходить ли Марья-Царевна?

Она говорить:

— Ходить въ кажный день.

Вотъ бабушка посадила Ивана-Царевича въ шкафъ. Марья-Царевна пришла—бабушка и спрашивать у ей:

— Дитетко, гдѣ твоя тоска?

Она говорить:

— У борана въ рогу,—и сама ушла.

А бабушка взяла борана да назолотила и на столъ поставила. Марья-Царевна на второй день пришла и спрашивать:

— Бабушка, это што у тебя на столи стоять?

Она и говорить:

— А, дитетко, твоя тоска.

Она говорить:

— О-хо-хо, бабушка, моя тоска далеко—въ озері. Въ озері—камень, въ камні—сундукъ, въ сундуки—утка, въ утки—яице, въ яице—моя тоска.

Вотъ бабушка съ Иваномъ-Царевичемъ и поѣхали ловить.

Оны рыбы много наловили, а камня все не могутъ заловить.

Остатню тоню какъ потянули, ды и камень заловили.

Оны съ камня вынули сундукъ, съ сундука—утку, съ утки—яице и Иванушко пошелъ съ яицемъ, а бабушка поѣхала на карбаси. Вотъ Иванъ-Царевичъ шелъ—шелъ да съ рукъ яице-то выронилъ и не могъ найти. Сѣлъ на бережокъ да и плацетъ. Видить, заецъ иде да ему яице, несе.

Иванушка пришелъ—бабушка его въ шкафъ и посадила опеть.

Сама наварила рыбу да сдѣлала съ яиця яисьницію.

Марья-Царевна пришла—бабушка и говорить:

— Садись, дитетко, исть. Поѣшь яисьницію.

Она и говорить:

— Пѣтъ, бабушка, я сроду не ѣмъ.

Бабушка говорить:

— Да хоть одну-то ложечку покушай.

Она и взяла. Какъ съѣла яисьницію—у ей тоска и сошлась.

Она и говорить:

— Ой, бабушка, кабы Иванъ-Царевичъ здѣсь былъ.

Бабушка шкафъ открыла, вышелъ Иванъ-Царевичъ, съ Марьей-Царевной поцѣловалсе, пришли домой, да все розсказалъ отцю. Братановъ всехъ изъ дому повыгнали.

А Иванъ-Царевичъ съ Марьей-Царевной повѣнцались и стали жить-поживать въ любви да во счастья...

XI.

* * *

Жиль-былъ старикъ да старуха. У ихъ были сынъ и дочь. Старикъ и старуха померли. Сынъ и дочь остались. Вотъ они и пошли въ другу деревню. Идутъ—а стоитъ коньско копыто съ водой.

Вотъ братъ сестры и говоритъ:

— Сестрица я напьюсь здѣсь.

Она говоритъ:

— Братецъ, не пей. Какъ напьессе, дакъ коницекъ будешь.

Онъ и не напилсе. Идутъ опеть, а коровье копыто стоитъ съ водой. Онъ и говоритъ:

— Сестрица, я напьюсь здѣсь.

Она и говоритъ:

— Братецъ, не пей: коровушкой будешь.

Онъ и не напилсе. Потомъ идутъ, а стоитъ козлинно копыто съ водой. Онъ и говоритъ:

— Сестрица, я здѣсь напьюсь.

Она и говоритъ:

Братецъ: не пей козелокъ будешь.

Онъ не послушалсе да напилсе и козелокъ сдѣлался.

Потомъ идутъ, а стрѣту Иванъ-Царевичъ ѣдетъ. Иванъ-Царевичъ говоритъ:

— Дѣвица, идешь ли за меня замужъ?

— Если возьмешь меня съ козелкомъ съ братцемъ—пойду,—говорить.

Онъ ю взялъ съ козелкомъ съ братцемъ, повѣнчались и стали звать Марьей-Царевной. Вотъ Иванъ-Царевичъ ю посадилъ за стекла за зеркаля, а самъ уѣхалъ за моря.

А Яицна-Бабицна байпу натопила да пришла подъ окошко:

— Марья-Царевна, поди ко мнѣ въ баенку,—говорить,—у меня водушка клюцева да вѣнницекъ шелковый.

Марья-Царевна и пошла къ ей въ байну. Она Марью-Царевну нажарила, прутьями настегала потомъ купаться повела и говоритъ ей:

— Бреди дальше въ воду-то.

Она, бѣдна, брела, брела: у ей ужъ не стали ноги хватать.

Потомъ Яицна-Бабицна говоритъ:

— Выходи.

Она какъ вышла, Яицна-Бабицна ю бросила въ яму, пескомъ зарыла, камнями завалила, а козелокъ все смотритъ.

Яицна-Бабицна пришла, ейну одежду надѣла да за зеркальны стекла и села да и сидитъ. Иванъ-Царевичъ пріѣхалъ и не знаетъ, что это Яицна-Бабицна, думать—Марья-Царевна. Она Ивану-Царевичу и говоритъ:

— Иванъ-Царевичъ, я сына Ивана несу, козелья мяска хоцо: убей козелка—братца.

Кадусецки напарили, ножецки натопили. Иванъ-Царевичъ взялъ ножикъ и пошелъ рѣзать козелка. Пришелъ на дворъ, а козелокъ и говоритъ:

Я схожу клюцевой водушки напьюсь, муравой травушки поѣмъ, дакъ вамъ скуснѣй мясо будетъ.

— Иванъ-Царевичъ и оставилъ его не рѣзать до второго дни. Козелокъ и пошелъ. Пришелъ къ ямы-то, гдѣ сестра лежитъ и говорить:

— У—у, сестрица у-у, родима, кадусецки парятъ, ножецки топятъ—меня рѣзать хоцють.

Она и говоритъ:

— У-у, братецъ, у-у, родимый, не до тебя мнѣ есть.

Желтымъ пескомъ оци засыпають, бѣлымъ камнемъ груди зажимають.

Козелокъ опять и пришелъ на дворъ. Опять на второй день напарили кадусецьки, ножики патоцили, и пришелъ Иванъ-Царевичъ рѣзать козельшка. Опять козелъ и говорить.

— Иванъ-Царевичъ, не рѣжь ты меня. Я схожу клюцовой водушки напьюсь, муравой травоньки поѣмъ—тогда скусишь мясо будетъ. Его и пустили. Пришелъ къ сестрицы:

— У-у, сестрица, у—у, родима,—говорить,—кадусецьки парятъ, ножецьки точатъ, меня рѣзать хотятъ.

А Иванъ-Царевичъ шелъ слѣдъ его ды и услышалъ.

Иванъ-Царевичъ у козелка и спрашивать:

— Съ кимъ тутъ разговаривашь?

— А тутъ моя сестра,—отвѣцять,—Марья-Царевна, а тамъ у тебя не Марья-Царевна, а Яицъна-Бабицъна. Иванъ-Царевичъ взялъ, скорѣй песокъ розрылъ, каменя вывалилъ да Марью-Царевну оттуль вынулъ изъ ямы.

Пришли оны вси домой. Эту Яицъну-Бабицъну Иванъ-Царевичъ на воротахъ пострѣлилъ и стали съ Марьей-Царевной да съ козелкомъ жить поживать. И все...

VII.

* * *

Жилъ-былъ старикъ со старухой да со дочерью. У старика старуха померла. Онъ взялъ Яицъну-Бабицъну замужъ.

А у Яицъны-Бабицъны былъ свой ребенокъ. Ну, она падцерь свою не залюбила. Што она придумала соврать?

Старикъ ушелъ въ лѣсъ, а Яицъна-Бабицъна убила коня.

Старикъ пришелъ изъ лѣсу, она и говорить ему.

— Эку ты волю доцери-то далъ: доць коня убила.

Старикъ замолцять, нице не сказалъ. На другой день Яицъна-Бабицъна убила корову. Пришелъ старикъ изъ лѣсу, она опять и говорить ему:

— Эку ты волю доцери-то далъ: доць корову убила.

На третій разъ Яицъна-Бабицъна убила своего ребенка и говорить старику:

— Да што за бѣда—своей доцери никуды не уберешь.

Смотри, она ребенка убила и всихъ поубивала. Куды хошь уберяю. Не стану я больше жить съ ей.

Старикъ взялъ доцерь, отвезъ въ поле, отсѣкъ ей тамъ руки по локоть и бросилъ. Она лежитъ тамъ да кричитьъ.

Вдругъ Иванъ-Царевичъ ѣде. Услышалъ крикъ, остановилъ лошадей ды и вышелъ изъ кореты. Вотъ онъ увидѣлъ эту дѣвицу, што она лежитъ. Взялъ ю въ корету, завезалъ платкомъ эти локти да повезъ домой. Привезъ онъ ю домой, посадилъ въ свою комнату, носилъ все истъ тулы ей, никого не спускалъ въ эту комнату. Потомъ мать ему и говорить:

— Цего ты, Ваня, никого не спускашь туды, въ эту комнату?

А онъ отвѣцять ей.

— А вамъ како дѣло?

Матери интересно было узнать, што хто тамъ въ этой комнати сидить. Взяла она лисвицю, выстала въ окно ды и посмотриѣла. Увидѣла тамъ эту дѣвицу.

Вотъ приѣзжатъ Иванъ-Царевичъ съ гулянки, а мать и говоритъ: — Иванъ-Царевичъ, кака у те тамъ безрука сидить?

А Иванъ-Царевичъ отвѣцять:

— Мамонька, дайте мнѣ благословленье, я на ей женюсь.

Мать спугалась, да говоритъ:

— Ваня, да што ты, неужель безруку замужъ возьмешь?

А онъ отвѣцять ей:

— Да, мама. У насъ-вѣдь все равно дѣлать-то нечего.

Живеть мнѣ и безрука.

Ну, мать видить, што ницего не подѣлашь, взяла да и благословила. Ну, повѣнчался Иванъ-Царевичъ съ этой безрукой, нѣсколько дней прожилъ да уѣхалъ.

А она родила отъ его мальчика.

Вотъ разъ пришла безрука къ свекрови да говоритъ ей:

— Привезите мнѣ на нолотеньци ребенка—я пойду къ отцю своему въ гости.

Свекрова привезала ей ребенка—та и пошла къ отцю.

Вотъ она шла, шла—покуда стрѣтился ей руцей. Она въ руцей какъ пить наклонилась, ребенокъ и уналъ въ воду.

Она о руцей идетъ да плацетъ, а мальчика несетъ по воды-то. Потомъ ей назади и говоря:

— Наклонись, возьми ребенка.

Она и говоритъ:

— Господи, какъ я возьму, какъ у меня рукъ-то нѣту?

Ей второй разъ говоря:

— Наклонись, возьми ребенка.

Она, какъ наклонилась да стала брать ребенка, у ей и сдѣлались руки. Она взяла ребенка и пошла себѣ.

Пришла она къ отцю въ гости, а это время приѣхалъ Иванъ-Царевичъ туды. Ни отецъ, ни ейный мужъ ю не узнають, какъ руки-то у ей стали. А она ихъ знать.

Вотъ Иванъ-Царевичъ и говоритъ ко всимъ:

— Не знаете ли хто нибудь сказки сказать или побывальщину.

А старикъ говоритъ:

— Не умѣтъ ли молодушка?

— Да, я-то не умѣю. Только у меня кажись умѣтъ.

Иванъ-Царевичъ себѣ взялъ мальчика на руки и мальчикъ сталъ разсказывать побывальщины. Иванъ-Царевичъ приказалъ, штобы не переговаривать, а хто переговорить-тому голова долой.

А мальчикъ и сталъ говорить:

— Жиль-быть старикъ со старухой. У старика старуха померла. Осталась доць. (Дальше идетъ пересказъ всей сказки отъ начала).

Яицьна-Бабицьна слушала, слушала и не пондравилось ей это. Она и говоритъ:

— Да есть што слушать-то. Такой маленькій, а науценъ ловко врать-то.

Потомъ она ушла за печьку и обѣлась сулемы.

А Иванъ-Царевичъ потомъ узналъ свою жену и поцѣловалъ ю да сына, забралъ ихъ и старика къ себѣ домой и стали жить-поживать.

А Яицѣна-Бабицѣна, какъ сдохла, ю нихто и не тронулъ за пещькой. Такъ она и лежитъ тамъ.

XIII.

С ч а с т ь е.

Жили-были два братана. У одного брата были дѣти, а у другого не было. У котораго не было дѣтей, тотъ жены и говоритъ:

— Отдѣлимся отъ его. Не станемъ его дѣтей кормить.

Отдѣлились. У котораго дѣти есть, тотъ живетъ богато, а у котораго дѣтей нѣту, тотъ живетъ бѣдно.

У котораго дѣтей нѣтъ, до того дожилъ, што пошелъ ужъ просить Идетъ мимо братова поля. На поли бѣлый конь да бѣлый мужикъ—пашетъ поле братово. Онъ и говоритъ бѣлому-то мужику:

— Богъ помощь. Хто тутъ пашетъ братово поле?

А бѣлый мужикъ и говоритъ:

— Это братово счастье.

Онъ палъ въ ноги бѣлому-то мужику и спрашивать:

— А гдѣ мое-то счастье?

А бѣлый мужикъ ему и отвѣцять:

— Да было у тебя счастье—только не умѣлъ уберечь.

Твое счастье,—говоритъ,—около березы три раза обвилось.

Вотъ бѣлый мужикъ далъ ему клубоцекъ и плетку.

Клубоцекъ онъ спустилъ: самъ за нимъ и пошелъ.

Пришелъ къ озеру, а счастье около березы обвилось.

Онъ этой плеткой рѣзнулъ три раза—счастье и проснулось и говоритъ:

— Фу-фу-фу, какъ долго спалъ.

А мужикъ и говоритъ:

— Долго спалъ, да въ пору всталъ.

Ну, и пошелъ мужикъ со счастьемъ къ озеру. Поставили силъ, и счастье говоритъ:

— Ты сиди здѣсь да караулъ, а я опять засну. Только хто прилетитъ, ты безъ меня не бери, а меня разбуди.

Вотъ мужикъ и сидитъ. Вдругъ прилетѣло двѣ золотыхъ птицы, и въ силъ и сѣли Мужикъ взялъ золоту птицу одну, потомъ счастье и разбудилъ. Счастье проснулось и говоритъ:

— Ну, не умѣлъ больше счастья имѣть, дакъ живи и съ тымъ.

Мужикъ и спрашивать у счастья:

— Куды мнѣ положить эту птицу?

— Положи,—говоритъ,—въ иоле въ межу. Она будетъ золотыи яйца садить, а ты неси на рынокъ да продавай.

Мужикъ и спрашивать:

— А сколько за ейны яйца будутъ давать?

Счастье и говоритъ:

— Я тутъ и буду.

Вотъ мужикъ принесъ и въ поле, закопалъ въ межу. Птица стала золотыи яйца садить, а онъ сталъ на рынокъ носить продавать. Сто рублей за кажно яйцо получалъ. Ну, мужикъ и разбогатѣлъ. Выстроилъ себѣ домъ, сталъ имѣть корабли и пароходы свои. Затѣмъ стала у его жена спрашивать:

— Мужъ, скажи, откуда мы разбогатѣли-то.

Онъ говоритъ:

— Да вотъ у меня есть въ поли въ межи золота птица.

Жена и говоритъ:

— Ой, ошалѣлъ. Украдутъ вѣдь ю у тебя. Ходи скорее, вынеси. Мужикъ послушалъ жену, сходилъ да и вынесъ, положилъ въ кухню подъ столъ, а самъ уѣхалъ на корабляхъ за моря покупать да торговать.

У жены родилось два мальчика. Одного прозвали Колей, а другого—Ваней. Мужъ долго не пріѣзжалъ—жена и полюбила дьяцка. Одинъ разъ дьяцекъ и спрашивать.

— Вы были бѣдны, отце стали богаты?

— А вотъ,—говоритъ,—у насъ тутъ золота птица есть. Отъ ей мы и разбогатѣли.

Дьяцекъ возьме, посмотреть на золоту птицу и процитать на одномъ крылушки:

— Кто это крылушко съѣстъ, тотъ будетъ царемъ.

На другомъ:

— Кто это крылушко съѣстъ, тотъ будетъ королемъ.

Ну, дьяцку и захотѣлось быть царемъ или королемъ.

Вотъ онъ и говоритъ ей:

— Убей эту птицу.

— Нѣтъ,—говоритъ,—ужъ я не смѣю. Мужъ пріѣде, онъ забранитсе на меня.

Дьяцекъ осердился ды мѣсяць не приходитъ.

Она и приказала прислугамъ зарѣзать эту птицу да выжарить и дьяцка позвать. Дьяцекъ пришелъ и приказалъ вынести мясо въ колідоръ, штобъ остыло. А это время Ваня да Коля бѣгали по колідору ды мясо съѣли и по костоцьки въ рукахъ только нося.

Хозяйка прислугу послала за мясомъ, а прислуга пришла въ колідоръ и видить: все мясо съѣдено.

Она пришла и говоритъ хозяйки:

— Мяса нѣту. Коля да Ваня съѣли. Только костоцьки нося.

Дьяцекъ и говоритъ:

— Убей этихъ мальчиковъ.

Она послала работника на дворъ убивать мальчиковъ.

А работникъ и прислуги пожаѣли мальчиковъ убить, дали имъ хлѣба и отправили въ лѣсъ. А на ихъ мѣсто убили собаку да выжарили. Принесли эту жарену собаку, положили на столъ, дьяцекъ и сталъ есть.

Дьяцекъ мясо ѣстъ и говоритъ:

— Говядина хороша, но на собацину пахне.

Она ему и говоритъ.

— Ну, оны таки собацливы и были.

Мальчики въ лѣсу выросли. Имъ стало годовъ по деветнацать. Вотъ оны разъ подошли къ одному городу. На високу гору выстали и видять: въ городе народу-то много-много, вси ходять, ходять, а оны и не смѣютъ зайти въ городъ. Коля Вани и говоритъ:

— Ваня, ты поди. Если тебя захвата—я побѣгу въ лѣсъ.

А въ томъ царствѣ не было короля. И было въ городскихъ воротахъ ланпада подвѣшена, што кому ланпада на голову надеть, тотъ и будетъ королемъ. Ваня какъ вошелъ въ ворота, ему и пала на голову

ланпада-то. Сейдясъ его захватили, въ колокола затрезвонили,—и весь народъ кричить:

— Короля Богъ далъ, короля Богъ далъ.

Накрутили и королемъ Ваню и поставили.

А Коля убѣжалъ въ друго царство. За царствомъ была избушка у бабушки. Онъ къ этой бабушки и зашелъ: сталъ у ей жить, шить башмаки и кормиться.

Плюетъ и што ни плюне—золоты слюнки на полъ.

Бабушка собирать и носить царевны продавать. Царевна у ей спрашивать.

— Да откуль у тебя, бабушка, эты золоты слюнки?

Она и говорить:

— Да вотъ есть у меня одинъ Божій целовѣкъ. Сидить да все плюе золоты слюнки.

А царевна и говорить:

— Приведи-ко его сюда.

Бабушка пришла домой да Колѣ и говорить:

— Дитятко, пойдѣмъ—насъ царевна звала.

Онъ и пошелъ. Пришли къ царевни. Она наливать Коли вина стаканъ и говорить ему:

— Пей.

А онъ и говорить:

— Не буду.

— Пьешь—пропадешь—не пьешь пропадешь. Пей.

Коля взялъ и выпилъ. Она другой стаканъ налила. Онъ другой выпилъ и сталъ онъ блевать. Блевалъ, блевалъ ды золоту маковку и выблевалъ. Царевна взяла ю да водой сполоснула и себѣ проглотула. А Колю на Буянъ-Островъ въ одной жилетки и отвезла:

Онъ спалъ, спалъ на Буянъ-Острови. Какъ проснулся, посмотреть, А вокругъ море. Онъ и пошелъ бродить по острову да ягоды набирать. Одну ягодку съѣлъ,—и сдѣлались во лбу рога, на спины горбъ, а позади хвостъ. Другу ягодку съѣлъ—и сдѣлался, што лучше да краше на свѣти его нѣтъ. Потомъ онъ слышитъ—пищать подъ землей каки-то птички маленьки. Морянка была. Холодно. Онъ взялъ, снелъ со себя жалетку ды ихъ и закуталъ. Вдругъ прилетатъ птица-мать къ дѣтямъ.

Дѣти ей и говорятъ:

— Если бы не добрый целовѣкъ нашелся—мы бы замерзли.

Птица и говорить Колѣ:

— Куды тебѣ нать—туды и свезу. Садьсь ды держись.

Коля и говорить ей, въ какой городъ. Она его и стащила.

Онъ сошилъ себѣ сумоцьку эты ягоды туды положилъ, и стоитъ у царева дворца и продавать эты ягоды.

Вышла кухарка и спрашивать у его:

— Цимъ торгуешь, добрый молодець?

— А ягодками торгую.

— Сколько стоитъ ягодка?

— Сто рублей.

— Эко дѣло—дорого...

— Я тебѣ и такъ дамъ,—говорить Коля.

— Она съѣла ягоду и сдѣлалась, што лучше и краше на свѣти ей нѣтъ. Она пришла къ царевны, та и спрашивать у ей:

— Отце ты этака красива сдѣлалась?

— А тамъ мужикъ торгуе такими ягодками, што какъ съѣшь, такъ красива и станешь.

— Поди-ко купи мнѣ,—говорить царевна.

Кухарка пришла къ Коли и говоритъ:

— Продайте нашей царевны ягодку.

Онъ и продалъ ягодку, а самъ пошелъ опять къ той же бабушки. Царевна какъ съѣла ягодку, сдѣлалась съ хвостомъ, со рогами да съ горбомъ.

Стали ю лѣцить. Дохтуровъ созвали, колдуновъ созвали—нихто не можетъ ю вылѣцить.

Царь видитъ, што дѣло плохо, онъ и объявлять приказъ такой:

— Кто вылѣцить мою дочь, того царемъ и поставлю.

Коля приварядилсе да пришелъ къ царю.

— Што,—говорить,—у васъ дочка больна? Я вылѣцю.

— Если вылѣцишь—тебя царемъ поставлю—говорить царь.

Коля и говоритъ:

— Выстройте за городской стѣной трезирную байну. Вотъ байну сейчасъ выстроили. Коля повезъ царевну. Привезъ, самы въ байну пришли, а прислугу оставили въ первой комнати. Вотъ Коля царевну горячей водой обливать, прутомъ стегать по рогамъ да по хвосту, приговаривать:

— Не уцись мужиковъ пьяными поить да на Буянь-Островъ отводить.

Царевна кричить, а кухарка въ стѣну колотится:

Ладно,—говорить,—я царю скажу, што ты ю бьешь.

Царевна сблевала, маковку выблевала, Коля ю схватилъ, водой омылъ да проглотилъ. Затымъ далъ ей хорошу ягодку, она и сдѣлалась красавицей.

Приѣхали домой. Она прислуги и говоритъ:

— Бога ради папы не говори.

Приѣхалъ царь. Онъ благословилъ царевну съ Колей. Оны повѣщались. Коля сталъ царемъ и сдѣлалъ пиръ на весь мѣръ.

XIV.

Два брата.

Жили-были два брата. Одного звали Иваномъ, а другого Васильемъ. Оны ѣздили въ одно мѣсто денегъ воровать. Тамъ былъ камень. Этого камня звали Камень-Адамъ. Оны приѣзжали къ камню и говорили:

— Камень-Адамъ, откройсе.

Онъ открывался и оны заходили туда и брали деньги.

Одинъ разъ Иванъ позвалъ Василья за деньгамъ. Тотъ не захотѣлъ ѣхать. Ну, Иванъ самъ къ камню и поѣхалъ.

Вотъ приѣхалъ онъ, взялъ золота цѣлый мѣшокъ и забылъ называть „Адамъ“, одно и зветъ:

— Камешокъ, откройсе.

Вдругъ, стукъ, громъ... Разбойники идутъ. Пришли и говоря:

— А, воровалъ, воровалъ ды и попалъ.

Взели Ивана, ды разрѣзали на шесъ кусковъ.

День нѣту дома Ивана, другой день нѣту—жена и приходитъ къ Василью и говоритъ:

— Василь, у меня мужа два дня дома нѣту, ужъ не могу голову приложить, што съ имъ тамъ дѣется.

Василій говоритъ:

— Ну, два дня нѣту—дакъ нѣту добра.

Одѣлся и поѣхалъ искать братана. Приѣхалъ къ камню и видитъ: братанъ лежитъ разрѣзанъ на шесть кусковъ.

Ну, онъ братана мертваго взялъ да еще мѣшокъ золота захватилъ и поѣхалъ. Привезли домой Ивана, а хоронить то не хорошо такого. Жена и пошла къ одному шведу, который шубы сшивалъ съ кусковъ, и говоритъ ему:

— Не можешь ли у меня мужа спить съ кусковъ.

Портной его сшилъ и похоронили.

Вотъ разъ приѣзжаютъ разбойники въ эту деревню и стали со швецемъ выпивать. Швець имъ и розсказалъ, какъ онъ целовѣка спилъ. Разбойники у швеца хорошенько про все спросили и уѣхали.

Вотъ потомъ приѣзжаютъ эти самы разбойники ко вдовы Ивана—двѣнадцать въ кувшиньяхъ въ телѣги на дворѣ, а тринадцатый зашелъ въ избу. Его приняли за гостя, напоили, накормили. Потомъ онъ и говоритъ:

— Куда бы мнѣ отдохнуть?

— А ложись,—говоря,—на вышку.

А самы спать повалились. А кухарка у ихъ была догалива. Догаладась она, што тутъ не ладно. Она затопила въ своей комнати печьку истопила деревянаго масла и пришла на дворъ да обварила этихъ всихъ двѣнадцать молодцевъ, а сама спать и повалилась.

Вдругъ вставать этотъ разбойникъ, и приходитъ на дворъ, и будить этихъ молодцевъ.

— Вставайте,—говорить,—ребята, нонь вси спятъ.

А молодцы-то не вставаютъ. Онъ видитъ, што одинъ остался, пошелъ обратно въ избу и спать повалилсе.

Проспалъ до утра, а утромъ всталъ чаю напилсе и говоритъ:

Нельзя ли мнѣ будетъ съ вашей прислугой потанцевать?

Хозяйка и говоритъ:

— Отце нельзя?—Если она желать-дакъ...

Она говоритъ:

— Я желаю.

Созвали музыкантовъ и пошли оны танцевать. Она смотритъ на его и видитъ, онъ хочетъ только саблю выдернуть ды ей по шею дат... Она возьметъ изъ подъ фартука какъ дернетъ саблю ды ему и по шею. Все обступили ю и кричатъ:

— Да што ты, ошалѣла? Мужика то убила.

Она и говоритъ.

— Я-то не ошалѣла, не ошалѣли ли вы? Подите-ко посмотрите на дворѣ. Я сегодня ночью двѣнадцать разбойниковъ убила. Это не гости къ вамъ приѣхали, а разбойники убивать васъ захотѣли.

Хозяйка ю взяла, да поцѣловала, да къ себѣ за дочь взяла. И все ..

XV.

К а т е н ь к а.

Жиль-былъ царь съ царицей. У ихъ была дочь Катенька.

Приѣзжали разъ къ Катенькѣ гости: три кавалера. Приглашали оны Катеньку въ гости; говоря:

— Вотъ пріѣзжай къ намъ въ гости. Пріѣдешь—гору высоко уви-
дишь, а на гори плита больша. Увидишь тамъ домъ большой, и заходи
къ намъ въ гости.

На второй день Катенька собралась и поѣхала. Вотъ пріѣхали оны
къ горы, она и говоритъ кудеру:

— Постой тутъ у горы: я скоро приду.

Постоялъ, постоялъ куцеръ, видитъ Катеньки нѣтъ, взялъ да
ѣхалъ. А Катенька на гору высоко выстала и домъ увидѣла. Эты са-
мы кавалеры вкругъ дома ходя со саблями. Ю страхъ взялъ—она и не
пошла къ имъ въ домъ. Свалилась она подъ каменну плиту да лежитъ
и говорить

— Плита, плита, спаси меня.

Вотъ приходятъ розбойники, бросаютъ подъ гору шляпы и говоря:

— Кабы Катенька была, такъ бы на мелки куски ю разрѣзали да
въ огонь бы бросили.

Потомъ взяли шляпы да пшли въ другой городъ людей рѣзать.
Што Катенькѣ дѣлать? Она и зашла къ имъ въ домъ. А у ихъ въ
доми-то жила прислуга, Дѣвкой-Чернышкой ю звали. Она, какъ увидѣла
Катеньку, и говорить.

— Куды ты пришла? Оны придутъ, дакъ тебя убьютъ.

Катенька и говорить:

— Куды хошь меня схорони, штобы оны не видѣли.

Дѣвка и говорить ей:

— Пу, ложись подъ кровать.

А у ихъ завѣса была отъ зени до потолка.

Вотъ послышался стукъ да гремъ. Розбойники идутъ.

Привели розбойники барыню и говоря:

— Ложь на столъ руки.

Потомъ оны взяли, отсѣкли ей пальцы да разрубили на куски.
Одинъ палець съ кольцемъ упалъ и покотилсе подъ кровать. Катенька
взела и спрятала его въ карманъ.

Вотъ розбойникъ розбойнику и говорить:

— Поди да возьми подъ кроватью кольцо-то.

А Катенька лежитъ, а руки и ноги у ей дрожать.

Другой розбойникъ отвѣцятъ:

— А пускай оно тамъ лежитъ. Завтра возьмемъ.

И пошли оны вси въ отдѣльную комнату вина пить.

А Дѣвка-Чернышка взяла Катеньку и повела на дорогу.

Оны идутъ по сѣнямъ, а розбойники и спрашиваютъ:

— Хто тамъ?

А Дѣвка-Чернышка отвѣцятъ:

— Самъ отецъ Василій.

Вышла Катенька на дорогу—мужикъ со сѣномъ ѣде.

Она и говоритъ ему:

— Возьми ты, дедюшка, меня. Продай сѣно моему папы.

Мужикъ ю взялъ, въ сѣно спряталъ, пріѣхалъ къ царю и спра-
шиваютъ:

— Не купите ли сѣна?

А отецъ говоритъ:

— Мы недавно купили—намъ сѣна не нать.

— Купите. Въ сѣнѣ добро есть,—говоритъ мужикъ.

Оны и купили сѣно. Какъ стали сѣно разрывать, а тамъ Катенька. Ну, царь съ царицей обрадовались—бѣда...

Вотъ пріѣзжаютъ къ Катеньки опять въ гости эти кавалеры и говорятъ Катенькѣ:

— Отце-жъ ты къ намъ въ гости не пріѣхала?

— Я была,—отвѣчаютъ Катенька,—у васъ завѣса отъ зени до полка есть?

— Это правда, это правда,—отвѣчаютъ разбойники.

— У васъ Дѣвка-Чернышка есть?

— Это правда, это правда,—говорятъ разбойники.

— Вы привели барыню?

— Это врешь, это врешь!

— Вы отсѣкли ей пальцы?

— Это врешь, это врешь!

Катенька и показывать имъ палецъ съ кольцомъ и спрашивать.

— А это што?

Тутъ разбойники и заскакали, ды не знаютъ куды и выскочить. Потомъ ихъ заковали въ боцку да бросили въ море. И сказки конецъ.

XVI.

Бѣднякъ-мальчикъ.

Жилъ-былъ на свѣти мужикъ со женой. Они были страшно бѣдняки. Вотъ у ихъ родился мальчикъ. Его и прозвали Бѣднякъ-мальчикъ. Жена и говоритъ мужу:

— У насъ-то истъ вѣдь у самихъ нечего. Какъ же мы станемъ растить мальчика? Продаемъ его хоть за три копейки.

Разъ пришелъ къ имъ странникъ, посмотрѣлъ на мальчика, да говорить:

— Не продавайте никому мальчика: онъ, какъ вырасте,—буде на королевнѣ женатъ. Да не говорите объ этомъ никому.

Ну, извѣстно дѣло женщина: не могла сдержаться, взяла да розсказала потомъ сусѣдамъ-што вотъ такъ и такъ говорилъ странникъ. Люди начали говорить про это само—и такъ и дошли слухи до царя. Царь, какъ услышалъ, што вотъ въ такомъ-то мѣсти родился Бѣднякъ-мальчикъ и какъ вырасте буде женатъ на его доцери, взялъ да пришелъ къ имъ и говорить:

— Продайте мнѣ мальчика. Я двѣсти рублей даю.

Думали, думали мужъ и жена да и обзарились на деньги, взяли да Бѣдняка-мальчика и продали. Царь взялъ мальчика, зашелъ въ лавку, купилъ сумку, положилъ мальчика въ сумку да бросилъ его въ воду.

Несло, несло мальчика по воды-то и принесло его въ порогъ.

А тамъ жилъ мельникъ. Онъ взялъ его къ себѣ и сталъ растить. Росъ, росъ Бѣднякъ-мальчикъ, и стало его ужъ 19 лѣтъ.

Мальчикъ онъ былъ послушный: куды ни пошлешь, туды и пойде. Вотъ повадился къ мельнику царь въ гости пріѣзжать. Одинъ разъ такъ разговорились они, царь и спрашивать мельника:

— Откуль у тя мальчикъ, какъ жены нѣтъ?

А мельникъ отвѣчать:

— А мальчика этого я изъ рѣки вытащилъ. Поднесло этта сумку къ порогу. Думаю, деньги. Вытащилъ, а тамъ мальчикъ. Ну, и сталъ его растить замѣсто сына.

Король записку написалъ и говорить:

— Нельзя-ли будетъ вашего мальчика послать со запиской къ моей жены?

— Отце нельзя? Можно!

Король отдалъ мальчику записку—онъ и побѣжалъ.

Было это подъ вѣпоръ. Шелъ, шелъ мальчикъ—стало темно. Онъ дорогу и потерялъ. А тутъ видѣть стоитъ избушка, а въ избушки огонекъ. Зашелъ онъ въ избушку, а тамъ разбойники живутъ. Они его накормили да напоили и стали спрашивать:

— Куды идешь, куды попадаешь?

Мальчикъ имъ разсказалъ, что его царь послалъ со запиской къ жены. Одинъ разбойникъ и говоритъ:

— А покажи ко записку-то эту!

Мальчикъ взялъ да показалъ. Разбойникъ прочиталъ письмо и видѣть, што не ладно. Въ письмѣ томъ царь писалъ жены, што какъ придетъ Бѣднякъ-мальчикъ, штобы его убили. Взялъ разбойникъ написалъ друго письмо, што какъ придетъ такой-то мальчикъ, штобы его на царьской дощери и женили. А цареву записку разорвалъ. Утросъ стало—разбойники разбудили мальчика, накормили да напоили и выпроводили на дорогу.

Пришелъ Бѣднякъ-мальчикъ къ королевны, а тамъ его солдаты не спускають. Онъ отдалъ записку и говоритъ:

— Передайте королевны.

Королевна, какъ прочиталъ записку—сейчасъ этого мальчика велѣла въ залъ пустить. Потомъ скорѣ свадьбу справили и дожидаетъ паря. Царь прѣхалъ—его стрѣбать и вышли молодые. Царь зашелъ въ комнату и готовъ разорвать свою жену, такъ его зло взяло.

— Што ты,—говоритъ,—дура, надѣлала! Я тебѣ писалъ, штобы, какъ придетъ, его убили. а ты женила.

А царица ему и показывать записку.

Царю все равно рѣшить мальчика нать—вотъ онъ его и посылать къ богатырю—людодѣду, штобы три золотыхъ волосы вырвать изъ его бороды. Бѣднякъ-мальчикъ и пошелъ. Идетъ, идетъ мальчикъ и видѣть: мужикъ стоитъ у колодца. Мужикъ его и спрашивать:

— Скажи, добрый целовѣкъ, чего у меня въ колодцѣ воды нѣту?

— Обратнo пойду—скажу,—отвѣцять мальчикъ.

Идетъ дальше. Видѣть баба стоитъ у яблоковъ. Она и спрашивать:

— Скажи, добрый целовѣкъ, чего яблоки сохнутъ?

— Обратнo пойду—скажу,—отвѣцять мальчикъ.

Дальше пошелъ и видѣть: мужикъ людей перевозить съ берега на берегъ. Мужикъ и говоритъ ему:

— Скажи, добрый целовѣкъ, изъ за че я здѣсь страдаю?

— Обратнo пойду—скажу,—отвѣцять мальчикъ.

Наконецъ онъ и добрался до богатыря. А богатыря-то дома не было. Была только одна богатыриха.

Она какъ увидѣла Бѣдняка-малышка и говоритъ:

— Куды ты пришелъ? Богатырь придетъ и съѣстъ тебя.

Мальчикъ закручинился.

— Ну, не бѣда,—говоритъ богатыриха,—я спрячу тебя.

А онъ просилъ ю узнать: отце яблоки сохнутъ, колодецъ посохъ и мужикъ перевозить. Потомъ богатыриха взяла ды и замнула его въ щикъ. Вдругъ приходитъ богатырь.

— Фу фу-фу, на Руси не бывалъ, русскаго духу не слыхалъ.

Хто у тя сегодни руській есть?—спрашивать богатырь.

— А самъ налетался да нахвтался. Еще разговаривать,—отвѣцять богатыриха.

Онъ и говоритъ ей:

— Жена, пощи-ко у меня въ головы-го.

Она стала искать, а богатырь и заснулъ. Она взяла да вырвала у его золотой волосъ изъ бороды. Онъ вскоцилъ и разругалсе. Она говоритъ ему:

— Не ругайсе, мужъ—кормилецъ, я задремала да мнѣ приснилось, быдто мужикъ стоитъ у колодца, а въ колодци воды совсимъ нѣту.

— Да, это правда,—отвѣцять богатырь.

— А зачимъ сохне,—спрашивать богатыриха.

— Когда убьютъ лягушку—тогда и буде въ колодци вода.

Опять и заснулъ богатырь. Она и другой волосъ вырвала.

Богатырь скоцилъ и разругалсе. А она опять и говоритъ:

— Мнѣ приснилось, быдто баба стоитъ у яблоковъ, а яблоки вси посохли. Отце это?

— Пускай убьютъ мыша—тогда и зацвѣтутъ.

Онъ опять и заснулъ. Богатыриха въ третій разъ у его волосъ вырвала. Онъ вскоцилъ и опять разругалсе. Она и говоритъ:

— Мнѣ приснилось, быдто мужикъ съ берега на берегъ людей перевозить, а самъ не можетъ на берегъ выйти.

— А пусть онъ даетъ мужику рубля, да въ руки руля, да самъ и выйдетъ.

Потомъ богатырь и ушелъ. Богатыриха выпустила мальчика, три волосы ему отдала ды все и розсказала.

Ну, мальчикъ обратно пошелъ да все и сказалъ имъ.

Оны его благодарили и сказали:

— Если это все исполнитсе—тогда мы тя наградимъ.

Вотъ пришелъ мальчикъ къ царю ды отдалъ ему три золотыхъ волосы и говоритъ:

— Я больше у васъ служить не буду. Мнѣ ваша доць—не жена и я ей не мужъ.

Ушелъ мальчикъ къ яблокамъ и къ колодцю. Все исполнилось. Баба и мужикъ дали ему цѣлый возъ денегъ.

Онъ пріѣхалъ къ царю и говоритъ ему:

— До свиданье.

Вси вышли король провожать. Жена стала плакать.

Потомъ король велѣлъ позвать его обратно и стали оны жить въ мирѣ.

XVII

Какъ солдатъ на царьской дочери женился.

Жили-были царь да царица. У ихъ была маленька доцюрка.

Царица по утрамъ стряпала, а дѣвоцька вдругъ ей кружилась да мѣшала стряпать. Мать разъ и скаже:

— На, те, воденникъ!

Дѣвоцька, какъ пошла къ рѣки—ю воденникъ и захватилъ. Мать, какъ узнала, стала жалѣть да Богу молитьсе, всимъ странникамъ день-ги давать.

А у царя были солдаты. Одинъ солдатъ на завтра именинникомъ долженъ быть. У него денегъ не было ни копейки. Онъ и пошелъ въ церковь Богу молиться.

Молетсе нъ Миколы Многомилостливому и говорить;

— Господи, хоть бы мнѣ гдѣ-нибудь полтинникъ найти. Завтра хоть въ день андела солдатовъ угостить.

Идетъ онъ изъ церкви, голову повѣсилъ. Стрѣту ему идетъ старецъ—его отъ вѣтра поносить—и говорить:

— Што, служивый, задумалсе?

Солдатъ и отвѣцять:

— А вотъ, дѣдушка, завтра именинникъ, а денегъ—ни копейки нѣту. Ищу денегъ.

Дѣдушка и говорить ему:

— Да женись у воденника на дощери. Приходи ко мнѣ—я тебѣ дамъ ведро вина да перогъ на закуску.

— Ладно—отвѣцять,—подумаю.

Пришелъ солдатъ домой и всю ночь не спитъ: все думать.

И вздумалъ онъ жениться на дощери воденника. Утромъ пришелъ къ дѣдушкѣ—тотъ ему ведро вина да перогъ на закуску дать. Ну, солдатъ домой пришелъ да всихъ солдатовъ до-пьяна напоилъ да на-угостилъ.

Солдаты пью, дѣда да дивуютсе: откуда онъ столько вина взялъ. На второй день солдатъ и говорить царю:

— Дайте мнѣ благословенье. Я поѣду къ воденнику жениться на его дощери.

Царь отвѣцять:

— Да што ты, не съ ума ли сошелъ? Вѣдь тебѣ живому не бывать.

А царица говорить царю:

— Пускай онъ ѣде жениться. Тебѣ еще солдатовъ хватить.

Солдатъ справилсе ды и поѣхалъ со дѣдушкомъ къ воденнику. Приѣхали оны къ порогу—порогъ пребольшой-большиньскій. Дѣдушка и говорить солдату:

— Падай въ воду.

Солдатъ и налъ. А дѣдушка слѣдъ его. И оны опеть пошли по дороги съ дѣдушкомъ. Вотъ пришли оны къ воденнику въ избу да говорить ему:

— Вотъ, не отдаите ли дощерь замужъ?

— Милости просимъ,—отвѣцять тотъ.

Наредилъ воденникъ всихъ дочерей своихъ и посадилъ на стулья. Оны и сидя. Одна сидитъ блѣдна ужъ блѣднешенька. Дѣдушка солдату и говорить:

— Скажи, што эта моя богосуженная, што всихъ хуже сидитъ.

Солдатъ и сказалъ. Воденнику, хотя жалко ю было отдавать—да ужъ нать было. Сталъ воденникъ прилапно справлеть. Дать тройку лошадей, корету, драгоцѣнныхъ каменьевъ. Дѣдушка съ солдатомъ забрали вещей и невѣсту да и поѣхали. Вотъ проѣхали оны этотъ порогъ, дѣдушка взялъ да дѣвицу и разрѣзалъ на три куска.

Солдатъ и смотритъ да думать: вотъ бѣда!

Взялъ дѣдушка да окупать мертвой водой на мертво тѣло, потомъ окупалъ живой и дѣвушка слѣлалася жива да така красавица, какъ раньше у матери была.

Бдуть оны по улицы, вси смотри въ окна да дикуютсе.

Говоря:

— Солдатъ каку-то богациху везе.

Солдатъ съ дѣвицей прѣхали къ царю во дворець да повѣнчались, и стали оны пировать. Царица подноситъ цыпки, да какъ посмотреть на дѣвоцьки, скрипяла:

— Охти, мнѣ! Совсимъ быдто моя доць. Гдѣ ты взялъ ю,—спрашивать царица.

А солдатъ и отвѣцять:

— У воденника.

Ну, царь съ царицей узнали тутъ свою доцьеръ, взяли да поцѣловали ю да солдата и поставили царемъ на царство, государемъ на государство.

И сказка вся.

Г. Цейтлинъ.

Изъ жизни охотниковъ на Вишерѣ.

— Тятя, тятя, слышишь, какъ вѣтеръ шумить въ трубѣ? сказалъ Дмитрій, младшій сынъ Максима, лежа на печкѣ.

— Что больше дѣлать вѣтру, какъ не шумѣть въ трубѣ и не свистать: у него вѣдь хлѣбъ-то вымолотъ и собранъ въ амбарѣ,—отвѣтилъ Максимъ,—приготовляясь на лавкѣ къ охотѣ.

— Тятя, тятя, первый снѣгъ выпалъ,—злая старуха йомо нанесла его изъ дальняго, холоднаго моря... Опять сказалъ Дмитрій.

— Зима намъ нужна, мой сынокъ, говорилъ Максимъ, налаживая на ногу кысъ.

— Ох-хо-хо! воскликнулъ Дмитрій, ох-хо-хоньки! Напрасно ты меня, отецъ, пустил на помочи въ Ильинъ день. Въ холодномъ пивѣ дали мнѣ „его“, и испортили меня... И „онъ“ растеть, растеть внутри меня и задушить.

— Съ нами Богъ, мой сынокъ!—отвѣчалъ поблѣднѣвшій Максимъ: пойдемъ, сходимъ на охоту, вставай, одѣвайся. Солнце весело играетъ за рѣкой. Пойдемъ въ свою лѣсную избушку, натонимъ ее, наваримъ тамъ кашу-юмъ, на нарахъ положимъ, расскажу тебѣ сказку я, потому силки и петлю разставимъ, на первомъ вѣдь снѣгу легко найти слѣды зайчика и лисицы...

Дмитрій слѣзъ съ печи, посидѣлъ на лавкѣ и сталъ одѣваться. Ему было семнадцать лѣтъ, до Ильина дня онъ былъ здоровъ и веселъ, отецъ на него глядѣлъ и радовался. Въ Ильинъ день въ сосѣдней деревнѣ были „помочи“. Молодые люди и дѣвушки собрались туда и со смѣхомъ и съ прибаутками жали рожъ и ячмень цѣлый день для мужика Степана, а къ вечеру съ пѣснями вернулись къ нему на ужинъ... Въ время ужина пили холодное пиво и горькое вино. Въ „помочахъ“ участвовалъ и Дмитрій, и былъ тамъ впереди на виду у всѣхъ—и въ работѣ и въ весельи былъ первый... Но черезъ недѣлю послѣ того сталъ задумываться и заговариваться. Максимъ съ ужасомъ смотрѣлъ на проявленіе порчи. „Неужели любимаго сына моего испортили? думалъ онъ „лучше меня искрошили бы топорами, о злые люди!“ „Съ кѣмъ вѣкъ буду теперь я жить?“